

**«...ЖИЗНЬ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ...»:
ДНЕВНИК И. Д. ЗЕЛЕНСКОЙ**

(Публикация Е. М. Аксененко)

В данной работе представлены дневниковые записи Ирины Дмитриевны Зеленской (1895–1981), в начале войны работавшей инженером на 7-й ленинградской ГЭС Свердловского р-на Васильевско-го острова, а с апреля 1943 г. – инспектором исполкома Свердловско-го районного Совета депутатов трудящихся. Эти записи являются окончанием ее дневника 1941–1947 гг., большая часть которого – с 1941 по начало 1943 г. – была опубликована ранее.¹

Предлагаемая вниманию читателей завершающая часть дневника – с середины 1943 по начало 1947 г. – до сих пор не попадала в поле зрения исследователей и была выявлена во время подготовки Рукописного отдела Пушкинского Дома к празднованию 70-летия полного освобождения Ленинграда от блокады. Это продолжение дневника хранится в Рукописном отделе в составе небольшого комплекса документов И. Д. Зеленской из собрания литературных и историко-культурных материалов фонда № 840 известного ленинградского библиофила М. С. Лесмана² в виде машинописного текста, озаглавленного «Зеленская И. Д. Блокадный дневник (с 7 июля 1941 г.). (Продолжение)».

В этом же фонде находятся шесть оригинальных записных книжек Зеленской размером с четверть машинописного листа с блокадными записями с 7 июля 1941 по 6 мая 1943 г. На обложке каждой

¹ И. Д. Зеленская. Дневник. 7 июля 1941 г.–6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2010. С. 10–156 (далее: «Я не сдамся до последнего...»). Публикация включена в третий сборник материалов Санкт-Петербургского института истории РАН, подготовленный в рамках проекта «Ленинградская блокада без купюр и ретуши».

² РО ИРЛИ, ф. 840 (М. С. Лесмана), пост. 2005 г., № 24. Фонд находится в научно-технической обработке.

книжки рукой автора проставлен порядковый номер с № 1 по № 6. «Продолжение» блокадного дневника не авторизовано и представляет собой машинописный текст на 29 листах (с оборотами) с незначительной стилистической правкой рукой неустановленного лица. Начинается он с повтора последней записи от 6 мая 1943 г. из книжки № 6 и заканчивается записью от 23 марта 1947 г. Поиски оригинала этой части дневника привели нас в семью потомков Зеленской – ее внука Георгия Михайловича и его жены Татьяны Юльевны Ширяевых. В их семейном архиве были обнаружены подлинные записные книжки – № 7 и № 8 – с дневниковыми записями с 15 июля 1943 г. по 23 марта 1947 г. С них, очевидно, и была снята (с небольшой правкой и включением последней записи из книжки № 6) машинописная копия, которая впоследствии оказалась в собрании М. С. Лесмана.

Машинописное «Продолжение» и найденные тетради позволили прояснить историю бытования и публикации дневника. Известно, что в 1943 г. в Ленинграде, вслед за постановлением бюро обкома и горкома ВКП (б) от 3 апр. 1943 г., была создана комиссия по сбору материалов и составлению хроники «Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне».³ Ответственность за сбор и обработку материалов возлагалась на ленинградский Институт истории ВКП(б),⁴ который в свою очередь привлек к этой работе партторгов и руководителей предприятий.

В начале 1944 г. сослуживец И. Д. Зеленской, главный энергетик и секретарь партийной организации 7-й ГЭС А. И. Чистяков, обратился к ней с просьбой отыскать свои «блокадные» записи, о чем она писала 12 февр. 1944 г. в дневниковой книжке № 7: «Вся последняя неделя насыщена для меня воспоминаниями того жестокого года. Все вокруг, точно по сговору, приводит к этому: встречи с людьми, вернувшимися с Большой Земли, а особенно шесть тетрадок с моими записками, которые я впервые вынула и перечитала неделю тому назад. Ими заинтересовался Александр Иванович, у него просили материалы

³ См. об этом подробнее: Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 22–23 (далее: Оборона Ленинграда).

⁴ Институт истории партии ведет свое начало с 1920 г., когда при Петрогубкоме был создан историко-партийный отдел. С 1929 г. стал самостоятельным учреждением, с 1939 г. – филиал Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б). В 1945 г. в ведение Института истории партии передан Ленпартархив. В 1991 г. преобразован в Ленинградский институт политических исследований. В настоящее время – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

по истории станции, и он вспомнил мое писание, которое наблюдал в период нашего соседства на станции. Я начала читать их, пытаюсь объективно оценить с точки зрения общего интереса, но со второй же страницы потеряла всякое критическое чутье и утонула в этом потоке воспоминаний, не могла оторваться до глубокой ночи».

Зеленская согласилась передать шесть заполненных на тот момент записных книжек в Институт истории партии. «Я рада буду как-то избавиться от груза воспоминаний, – продолжала она в той же записи от 12 февр. 1944 г., – они тянут к себе как омут, без конца возвращаешься к этим книжкам, перелистываешь, выхватываешь то один, то другой эпизод. Все это не забыто, только затуманилось слегка, и не забудется до смерти».

В Институте истории партии были сняты машинописные копии с переданных записных книжек: и те и другие возвратили Ирине Дмитриевне уже после войны. «Я получила на днях три переплетенных экземпляра своего дневника, – записала она 10 июня 1945 г. в конце книжки № 7. – Принес их ко мне на работу Лебедев⁵ из Института истории партии, с час сидел у меня, своим медлительным, обстоятельным тоном наговорил самых лестных вещей и в виде не то совета, не то просьбы указал, куда направить рукопись и отдельные экземпляры».

Все три копии этой части дневника были проверены и подписаны автором. Автограф и одну копию Зеленская оставила у себя, а остальные две передала на хранение в архив Института истории ВКП(б).⁶ Вероятно, в 1970-х гг. Ирина Дмитриевна передала первые шесть записных книжек с оригиналом своего дневника коллекционеру М. С. Лесману – своему хорошему знакомому по совместной работе в секции библиофилов,⁷ членом которой Зеленская состояла с начала

⁵ *Лебедев Д. М.* – зав. фондами ленинградского Института истории ВКП(б).

⁶ В настоящее время обе копии хранятся в ЦГАИПД СПб в материалах Великой Отечественной войны: ЦГАИПД СПб, ф. 400 (Ленинградский институт историко-политических исследований), оп. 11 (Дневники участников обороны Ленинграда), № 35, 123 л.; № 36, 125 л. По одной из копий часть дневника и была опубликована сотрудниками Санкт-Петербургского института истории РАН (см. примеч. 1). Существовали и другие копии этой части блокадного дневника И. Д. Зеленской. На одну указывают публикаторы: «В 2009 г. в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 1273. Материалы о Великой Отечественной войне) была передана копия дневника И. Д. Зеленской (11 тетрадей), переписанного от руки, однако с многочисленными сокращениями, ее племянницей А. М. Древинг» («Я не сдамся до последнего...»). С. 8).

⁷ Секция библиофилов возникла в 1965 г. при Ленинградском обществе коллекционеров. С начала своего существования она работала во Дворце культуры им. С. М. Кирова, а затем в Доме книги на Невском пр.

1970-х гг. Копия с седьмой и восьмой книжек, очевидно, появилась в коллекции Лесмана позднее. В Рукописный отдел Пушкинского Дома материалы Зеленской поступили от вдовы коллекционера Н. Г. Князевой (пост. 2006 г., № 47).

Возвращаясь к семейному архиву Ширяевых, отметим, что помимо копии книжек № 1–6 и оригинала книжек № 7–8 с дневником 1941–1947 гг. в нем содержатся личные документы Ирины Дмитриевны, ее творческие материалы, а также дневники 1911–1922 гг.,⁸ помогающие очертить основные события жизненного пути автора.

Ирина Дмитриевна родилась 31 окт./13 нояб. 1895 г. в Симферополе в семье лесничего. Отец, Дмитрий Дмитриевич Зеленский, после окончания в Петербурге Лесотехнической академии был направлен на работу в Бахчисарай и занимался разведением лесов. Детские годы Ирины прошли в Крыму и Подольской губ. С 1906 г. она обучалась в Одесском закрытом женском институте, который закончила с высшей наградой – шифром – в 1913 г. Вопреки принадлежности к роду потомственных интеллигентов-естественников, интересы юной Зеленской были направлены в гуманитарную сферу.

Дневник она начала вести с 15 лет, во время перехода из отроческого возраста в юношеский, что также свидетельствует о рано проявившейся у нее потребности в самоанализе. Поиск смысла жизни, который является «фундаментальным свойством человека, особенно характерным для человека культуры нового времени, живущего в эпоху всеобщих „смыслоуtrat“»,⁹ привел Зеленскую на путь постоянного самоусовершенствования и самообразования. После окончания института, вернувшись к живущим в это время в Минске родителям, она экстерном прослушала курс словесного отделения дополнительного педагогического класса Минской женской гимназии и успешно сдала экзамены в мае 1914 г.

Намеченное Ириной направление жизненного пути изменила начавшаяся Первая мировая война. Уясняя свое отношение к этому эпохальному событию, 18-летняя девушка писала: «Ужасная, мировая катастрофа, которая повисла над Европой, представляется гигантским кошмаром. <...> Но меня иногда точно тянет что-то вме-

⁸ Несколько фрагментов из дневников этого времени были опубликованы по машинописной копии, хранящейся у частного лица, в кн.: *Зеленская И. Д. История одной общественной библиотеки. Дневники / Под общей ред. И. В. Селивановой; Сост., вступ. ст. и коммент. Н. С. Беляева. СПб., 2005.*

⁹ *Кругликов В. А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира / Отв. ред. А. И. Арнольдов, В. А. Кругликов. М., 1987. С. 184.*

шаться своей маленькой особой в мировую трагедию. <...> Подвиг влечет к себе, выполненный – он дает громадное нравственное удовлетворение».¹⁰

Вместо планируемого обучения на историко-филологическом факультете Бестужевских курсов, Зеленская добилась разрешения работать в минском военном госпитале по уходу за ранеными в качестве добровольной медицинской сестры. Затем, вопреки запрету родителей, уехала в Петербург на курсы медицинских сестер, после успешного окончания которых вернулась в Минск и продолжила работу в том же госпитале. Ведение дневника помогает его автору осмыслить основную черту своего характера: невозможность жить только повседневностью, постоянное стремление к «захватывающему и поглощающему». 18 нояб. 1914 г. она записала: «Отошел первый период восторженного отношения к работе. Все стало будничным и привычным, и душа опять запросилась на большее. На душе у меня спокойнее, когда я сбиваюсь с ног, бегая по палатам, или копаюсь в самой грязи и зловонии в перевязочной». В сентябре 1915 г., при приближении фронта к Минску, Зеленская вместе с семьей эвакуировалась в Нижний Новгород, где продолжила работать хирургической сестрой.

В этом же году Ирина Дмитриевна вышла замуж за военного врача С. В. Ширияева. Дневник, который она вела до 27-летнего возраста, отражает перипетии этого времени: трудно и долго принимаемое решение замужества и другие этапы поиска себя и своего места в мире. В 1916 г. в семье родилась дочь Татьяна, а в 1920 г. вторая дочь – Наталья. На несколько лет Зеленская вынуждена была оставить работу, занимаясь детьми и хозяйством. Длительный и драматичный период «испытания бытом» в ее жизни оказался более тяжелым, чем военный, но как в то, так и в другое время для Ирины Дмитриевны по-прежнему самым важным оставалось «определение своего места в универсуме» культуры.¹¹ Так, читая «мемуары» Лили Браун,¹² она записывает в 1918 г.: «Для меня нет более увлекательной вещи, чем записки, дневники и пр<очие> человеческие документы. ...невольно проводишь параллель между автором записок и собою. Особенно ис-

¹⁰ Семейный архив Ширияевых. Дневниковые записи И. Д. Зеленской от 18–28 июля 1914 г. Далее даты указываются в тексте.

¹¹ Шеллинг И. В. Ф. *Философия искусства*. М., 1966. С. 72.

¹² Вероятно, имеется в виду книга немецкой писательницы социал-демократки Л. Браун (*Lily Braun*). «Memoiren einer Sozialistin». München, 1907–1911. 2 Bd («Мемуары социалистки»). Пг., 1919).

кушают в этом отношении женские дневники; к ним подходишь с волнующим вопросом: как ты выбилась? Как нашла дорогу?».

В 1924 г. Зеленская предпринимает попытку попробовать свои силы на литературном поприще. Она посылает письмо М. А. Волошину в Коктебель с признанием: «Я пишу уже давно, последние два-три года больше, чем когда-либо, но никогда я не делала ни малейшей попытки пробиться в печать и никому не давала на суд свои писания. Проза мне не дается, после нескольких попыток я отказалась от нее».¹³ Далее она писала о своих стихах, которые «накапливаясь постепенно» и в ней, и на бумаге «начинают тяготить, обособляться». Не посылая Волошину образцов стихов, которые, по ее мнению, носят «всегда узко-личный характер и всегда мрачны», Зеленская спрашивала мнение поэта: «Имеет ли право отрицательное, пессимистическое творчество быть вынесенным в публику?».¹⁴

Ответ Волошина нам неизвестен, но с этого года Зеленская вновь начала работать в знакомой ей области – медицинских лабораториях, а с 1930 г. решила искать себя в новых сферах деятельности: она работала статистиком, библиотекарем, и, наконец, экономистом сначала в Нижегородском краевом совете народного хозяйства, а с 1934 г. на Горьковском радиозаводе № 197 им. Ленина.¹⁵ Испытание «бытом» завершилось драматично – разводом с мужем в 1935 г., а в 1937 г. Зеленская из Горького переводится в Ленинград, где к тому времени в институтах учились обе ее дочери. В Ленинграде Ирина Дмитриевна работала старшим экономистом сначала в 5-м Проектном институте, затем на Ленинградском Электромеханическом заводе № 8, а с ноября 1938 г. – начальником планового отдела 7-й Государственной электростанции, где ее и застала война.

С первых дней войны, после почти 20-летнего перерыва, Зеленская вновь начала вести дневник. Во время ленинградской блокады помимо своих непосредственных обязанностей как инженера она выполняла большую общественную работу: была председателем кассы взаимопомощи, заведовала библиотекой электростанции, которую сама организовала и пополняла.

18 дек. 1942 г. Зеленская стала членом КПСС, а в апреле 1943 г. была переведена Райкомом партии в Отдел государственного обеспечения семей военнослужащих исполкома Свердловского районного Совета депутатов трудящихся на должность инспектора, откуда уво-

¹³ РО ИРЛИ, ф. 562 (М. А. Волошина), оп. 3, № 564, л. 1 об.–2 (28 июля 1924 г.).

¹⁴ Там же, л. 2 об.–3 об.

¹⁵ В 1932 г. Нижний Новгород был переименован в Горький.

лилась по собственному желанию в сентябре 1946 г. В ноябре 1947 г. она поступила на Судостроительный завод № 189 им. Серго Орджоникидзе,¹⁶ где проработала до 1957 г. в Центральном конструкторском бюро-17 в разное время переводчиком и инженером.

В 1961 г. в возрасте 66 лет Ирина Дмитриевна организовала по месту своего жительства в доме № 6 по Новороссийской ул. Ждановского р-на, где проживала с младшей дочерью и внуком, общественную библиотеку, которую возглавляла 20 лет.¹⁷ До последних дней она оставалась активным и деятельным человеком, а перипетии непростой жизни не поколебали ее жизнелюбия и бескорыстного служения людям. Умерла Зеленская 12 июля 1981 г. и похоронена на Ново-Волковском кладбище Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Ирина Дмитриевна была награждена медалями «За оборону Ленинграда» (в 1943 г.) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (в 1945 г.).

Предварим публикацию «Продолжения» блокадного дневника И. Д. Зеленской краткой характеристикой опубликованной его части. Решение Ирины Дмитриевны начать вести дневник, принятое в первые дни Великой Отечественной войны, не было стихийной реакцией на трагическое изменение условий жизни. В войну она вступила человеком вполне сложившимся, имеющим опыт «встречи» с войной в 1914–1915 гг., а также опыт работы хирургической сестрой в госпиталях прифронтового Минска и Нижнего Новгорода.

Ирина Дмитриевна, обладающая аналитическим складом ума, ясно понимала всю важность происходящего и осознавала тяжесть предстоящих испытаний, поэтому свой дневник она предназначала не только «для себя самой», но и «для истории». Зеленская поставила перед собой задачу стать «летописцем» войны на своем месте: «Сейчас не время разжалобивать себя представлением о будущих жертвах, – писала она в первой записи дневника от 7 июля 1941 г. – да и настоящих на том большом куске земли, который отошел от нас за две недели. Но попробую хотя бы регистрировать факты, которые увижу вокруг себя, в пределах своего маленького кругозора. Наш небольшой коллектив – одна из ячеек страны, должен отразить все, что переживает страна».¹⁸

¹⁶ Ныне ОАО «Балтийский завод». См. подробнее примеч. 38 к наст. публ.

¹⁷ См. об этом во вступ. ст. Н. С. Беляева к публ.: *Зеленская И. Д. История одной общественной библиотеки. Дневники*. С. 3–8. См. также: *Тагирджанова А. Н. История Народной библиотеки // История Петербурга*. 2008. № 3 (43). С. 84–87.

¹⁸ «Я не сдамся до последнего...». С. 10. Далее – дата записи и страница издания, с которой она цитируется, указываются в тексте.

Уже первые блокадные записи обнаруживают в авторе человека, способного «опережать» события, предвидеть их логическое развитие и готового мужественно встретить приближающиеся испытания: «...я все-таки сознательно иду навстречу тому, что не сегодня – завтра выйду из дому и все оставлю за плечами. <...> я не хочу быть выкинутой. Лучше я уйду в такую жизнь сама» (20 авг. 1941 г. С. 18). Зеленская сразу и однозначно определила свое место в катастрофически меняющейся обстановке и решила не покидать Ленинград ни при каких обстоятельствах.

Деятельный характер Ирины Дмитриевны влечет ее устремиться «в гущу событий»: она дважды подавала заявление в санитарную дружину, но оба раза получила отказ. Тогда Зеленская сумела перевести вектор своего участия в войне с деятельной, «внешней» стороны на «внутреннюю», личностную, «внутренне готовить себя к тому, чтобы любую передрагу встретить, как подобает настоящему человеку» (7 авг. 1941 г. С. 16). Конечно, в это время автор дневника не могла предвидеть того, что по выбранному ею направлению пройдет одна из самых тяжелых «линий» фронта Второй мировой войны.

В первый блокадный год записи велись почти ежедневно, лишь с краткими перерывами от одного до нескольких дней, поэтому в это время дневник, задуманный автором как «регистрация фактов», тяготеет к хронике. Зеленская записывала содержание сводок Совинформбюро, фиксировала время и продолжительность обстрелов и бомбардировок,¹⁹ факты разрушений и связанных с ними смертей горожан. Пространство дневника плотно заполнено реалиями повседневной жизни блокадного Ленинграда. Охват этой жизни был достаточно широк, так как свои служебные обязанности по станции Зеленская в разное время совмещала с работой командира отделения МПВО, дежурством на коммутаторе и в рабочей столовой, уходом за больными и истощенными сослуживцами и знакомыми, поездками на фронт с подарками бойцам, помощью родственникам и знакомым, поддержанием станционной библиотеки. Благодаря необычной мобильности автора дневника, постоянным передвижениям по городу, записи увиденного и услышанного ею создают своеобразную панораму жизни города в самое тяжелое время блокады.

¹⁹ Помимо записей в дневнике И. Д. Зеленская заносила время воздушных тревог в отдельные таблицы. Два листа с такими таблицами за период с 14 июля 1941 г. до 10 янв. 1942 г. вклеены в конце одной из копий дневника этого времени (ЦГАИПД СПб, ф. 400, оп. 11, № 36, л. 124, 125).

Дополнительные нагрузки становятся испытанием на прочность нравственных установок Зеленской. Ее высокая требовательность к себе проходит проверку работой в столовой, ставшую «насушно необходимой» для Ирины Дмитриевны. Обстановку в столовой она сравнивала с фронтовой, где приходится «отстаивать общие интересы против покушения со стороны отдельных лиц» (24 окт. 1941 г. С. 36), и по этому поводу Зеленская замечает: «Характер у меня портится. Я чаще выхожу из себя, чем это позволительно при настоящих обстоятельствах» (29 окт. 1941 г. С. 37). Но, несмотря на это, через три месяца она писала: «Не знаю, как я могла бы жить прежней работой. Она-то потеряла всякий смысл, и работа в столовой, работа в изоляторе насушно необходимые, только и придают бодрости» (20 янв. 1942 г. С. 71).

Суровой проверке в блокадный Страшный год подверглись и другие внутренние установки автора дневника, например, ее глубокое убеждение, что «спастись можно только внутренней энергией». Зеленская мечтала «распространить вокруг себя свою психическую настроенность», хотя и сомневалась, есть ли у нее для этого данные (13 нояб. 1941 г. С. 44). Но и в самое тяжелое время, когда в себе самой ее поражает «отсутствие настоящего волнения и страха перед этим мором и его жертвами. Как будто эмоциональное существо во мне умерло» (15 янв. 1942 г. С. 69), – Ирина Дмитриевна не теряет веры в силу человеческой личности: «Я переносу центр тяжести на внутреннюю волевую установку человека» (18 янв. 1942 г. С. 70); «хочу сама продержаться на поверхности и удержать тех, кто стоит рядом. <...> бороться буду и всеми средствами» (19 янв. 1942 г. С. 70–71). Но в феврале 1942 г. она вынуждена была признаться: «Со страхом констатирую, как голод подавляет самолюбие, принципы и многие другие вещи, которые до сих пор, казалось, были мне свойственны!» (3 февр. 1942 г. С. 77).

Самое большое потрясение, пережитое Зеленской в первую блокадную зиму, связано с эвакуацией семьи младшей дочери, Натальи. Обе дочери Зеленской к началу войны были замужем. У старшей, Татьяны, 15 апр. 1941 г. родилась дочка Марина, и в самом начале войны она с ребенком эвакуировалась под Куйбышев к родителям мужа. Младшая дочь, Наталья, студентка Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, вышла замуж 25 янв. 1941 г. за Бориса Илларионовича Журавлева, тоже студента. Оба остались в Ленинграде. В ночь с 13 на 14 февр. 1942 г., во время подготовки к эвакуации Наташи и Бориса с их институтом, Борис умер.

Это трагическое событие выявило психологическую значимость ведения дневника для автора: «Я пробую писать, как пробуют вернуться к жизни, – записала Зеленская через несколько дней после смерти зятя, – но нет, еще не могу. Наташа уехала. Борис погиб – страшно, безвестно, оставив на мне тяжкий груз вины и... нет, не могу еще» (20 февр. 1942 г. С. 78). Через месяц, испытывая сильную тревогу за судьбу уехавшей дочери, от которой не было вестей, Ирина Дмитриевна писала: «Я берусь за свою „летопись“, чтобы почувствовать себя живой» (10 марта 1942 г. С. 83).

Взгляд автора дневника не лишен критического начала, а перенесенные физические и психические потрясения первой блокадной зимы подчас делали ее оценки намеренно заниженными: «Что сказать о нас – героических ленинградцах, как величают нас в газетах? – писала она через две недели после смерти Бориса. – Мы действительно все страшно изменились. <...> Трудно найти между нами здоровых людей. <...> Мы все почти находимся в состоянии вялости и некоторого отупения». Далее Зеленская пишет об унижении, которое она испытывает от постоянного голода, неотвязных мыслей и разговоров о еде. Она чувствует все нарастающую слабость, которую все труднее преодолеть: «Для этого, возможно, тоже нужна какая-то порция героизма, если уж возвращаться к присвоенному нам эпитету». Но, не принимая пафосного слова «героизм», она все же отдает должное ленинградцам: «...при всех испытаниях, на фоне этого страшного мора за все месяцы войны не слышно было ни одного пораженческого слова. Из всех судеб, ожидающих Ленинград, даже вымирание кажется менее страшным, чем вторжение немцев» (1 марта 1942 г. С. 82).

К концу 1942 г., по мере постепенного налаживания жизни в городе и работы на станции, количество записей в дневнике уменьшается. «Редко пишу, занята последнее время до предела, а жизнь устоялась, течет изо дня в день, заполненная работой до отказа, без всяких событий и впечатлений извне», – писала она, возвращаясь к дневнику после более чем двухмесячного перерыва и, выделяя главный итог пережитого, продолжала: «И еще одному я выучилась, что своя жизнь становится осмысленной и ценной, только когда делаешь что-нибудь для других. Все, что делаешь для себя, это пустозвук» (19 дек. 1942 г. С. 130).

Январь 1943 г. отмечен только одной записью – в день прорыва блокады. Так долго ожидаемое, но неожиданно пришедшее сообщение Зеленская встретила со смешанными чувствами: «Боже мой, какие полтора года за плечами! И ведь это еще не конец, едва начало

его, только первый шаг – может быть, самый трудный. <...> Дышать легче, будем ждать развития событий» (18 янв. 1943 г. С. 132). Для автора это событие становится психологическим рубежом, и на время она перестает вести дневник, возвращаясь к нему после более чем двухмесячного перерыва.

После прорыва блокады на 7-й ГЭС появился новый директор, и жизнь на станции, по характеристике автора дневника, резко изменилась «к худшему». Зеленская начала испытывать острую потребность в перемене деятельности. Дневниковые записи становятся еще более редкими, и наконец она принимает решение, как и почти двадцать лет назад, о переходе в другую сферу деятельности.

В апреле 1943 г. Зеленскую переводят в отдел Райкома по устройству семей военнослужащих, на «боевой и ответственный участок», где она вновь с энтузиазмом «окунулась в житейскую гущу». Впечатления этого времени отражены в дневниковых записях Зеленской, начинающих книжку № 7. В «Продолжении» дневника автор остается верной своим жизненным установкам, и во время возрождения Ленинграда вновь оказывается на одном из «горячих» участков трудовой линии блокадного фронта. Первая запись седьмой книжки, сделанная более чем через два месяца после предыдущей, говорит о том, что Зеленская вновь полностью, «без остатка» отдается новой работе. Но, несмотря на то, что «своей жизни ничего не остается», она сетует: «А следовало бы писать о своей работе, столько любопытных и своеобразных фигур проходит, так интересно бывает наблюдать людей и характеры». Зеленская отмечает следы неизгладимого наследия блокады: «И все это ничего общего уже не имеет с настоящим голодом, потому что сейчас большинство из нас сыты, но это проклятое психическое раздражение осталось, и справиться с ним иной раз труднее, чем с приступами настоящего голода» (15 июля 1943 г.).

Постепенно определяется и круг трудностей, связанных с новой работой, требующей все большего напряжения всех сил: «Похоже, что с концом войны у людей сразу лопнуло терпенье и если еще недавно они как-то выносили свою нищету и лишения, то сейчас они больше неспособны ни на какое самообладание. Наши приемы стали пыткой, такая волна злобной требовательности изливается на голову дежурного инспектора. Слезы, причитания, злые колкости, а подчас и грубые оскорбления – надо обладать сверхчеловеческой выдержкой, чтобы противопоставить этому спокойствие и деловое внимание». Но именно такая обстановка, «на пределе сил», и побуждает автора днев-

ника одерживать новые победы над собой: «Каждый день, каждый час – это борьба с измученными, глупыми, истеричными женщинами, которых надо образумить своим спокойствием и выдержкой, – продолжает она в той же записи, – а с другой стороны – с самой собой, со своей человеческой слабостью, тягой к самозащите, физической усталостью» (1 июля 1945 г.).

Одной из особенностей дневника Ирины Дмитриевны является его психологизм. Внимательный взгляд, каким автор смотрит на все вокруг, Зеленская обращает и внутрь себя, заноса на страницы дневника не только мысли и чувства по поводу происходящего вокруг нее, но и наблюдения над своим душевным состоянием. С бескомпромиссным отношением к себе, желанием «быть правдивой» Зеленская фиксирует в дневнике моменты собственной душевной слабости и отступлений от своих принципов.

По мере отхода от «Смертного года» вновь растет неудовлетворенность жизнью, увеличивается удельный вес впечатлений и переживаний в дневнике. Почти риторически звучит вопрос, который задает автор себе незадолго до долгожданной победы: «Что мы такое – герои или рабы – в нашей невероятной, на пределе сил и времени работе?» (14 марта 1945 г.).

Заканчивается дневник единичной записью 1947 г. – единственного свидетельства поэтического творчества автора – четырех строк, передающих душевное состояние несбывшихся ожиданий перемен в жизни после окончания войны:

Да, ничего не изменилось,
Хоть сердце в пепел сожжено.
Нам жизнь возвращена как милость,
Но жить иль гибнуть – все равно.

Дневник стал главным и единственным произведением Зеленской, увидевшим свет. Чтение его оставляет ощущение встречи с неординарной личностью, обладающей культурно значимой ценностью, духовный потенциал которой так ярко проявился в экстремальное для всей страны военное время.

Публикация подготовлена согласно правилам научного издания, текст воспроизводится по автографу. При сверке автографа дневника с машинописной копией были выявлены немногочисленные отличия, выразившиеся в основном в незначительной стилистической правке, уточнениях, пояснениях. Все они оговорены в сносках, за исключением исправлений (например, перестановки слов), которые не имеют

смыслового значения. Явные опечатки и единичные ошибки исправлены без оговорок. Лексические и стилистические особенности текста дневника сохранены, так же как и авторские словообразования («ликвиднули», «разбегная», «педагогичнее», «заночевывать», «всевыносящая», «вне-разумных» и др.).

Отдельно отмечаются вырванные из записных книжек листы. Записи, имеющиеся только в машинописной копии, восстановлены при публикации в квадратных скобках ([]).

Пунктуация дана согласно современным требованиям русского языка. Сокращения или восстановленный публикатором текст раскрыты в угловых скобках. Поясняющий текст публикатора дан курсивом в угловых скобках.

Выражаем сердечную благодарность Георгию Михайловичу и Татьяне Юльевне Ширяевым за предоставленную возможность ознакомиться с материалами их семейного архива, касающимися жизни и творчества И. Д. Зеленской, и за предоставление ее дневниковых записей в записных книжках № 7 и № 8 для публикации.

<1943 год>

15/VII – Приходят иногда в голову дикие мысли: кажется, если бы я стала вдруг калекой, лишенной движения, я была бы не очень несчастна и даже нашла бы некоторые плюсы в таком положении. Я до того не принадлежу себе, сутки так вплотную заполнены работой и будничными делами, как ни сводишь последние к предельному минимуму, что своей жизни ничего не остается. Только письма, для них всегда находишь время, и в них находит слабое отражение та глубокая внутренняя работа, которая непрерывно во мне совершается и, не находя себе исхода и воплощения, доводит до таких нелепых мыслей. Часто припадками налетает желание писать – что? сама еще не знаю, мелькают в голове отрывки тем, строки стихов, но остановиться на них, обдумать и тем более записать – некогда, и они проходят мимо и рассеиваются, не оставляя следа. Даже для этих отрывочных заметок не выберешь время, разве поздно ночью, как сейчас, и то при условии, что сон не валит с ног, чем я обязана случайному концерту, на котором нечаянно пришлось побывать. А следовало бы писать о своей работе, столько любопытных и своеобразных фигур проходит, так интересно бывает наблюдать людей и характеры.

24/VIII – Месяц завоеваний и воспрянувших надежд – Орел, Белгород, Спас-Деменск и, наконец, вчера – Харьков.¹ Мы усиленно по-

сещаем лекции международников, сегодня как раз читал самый удачный, Добржинский,² и он предвосхитил вопрос, жгущий всем язык, – а как же Ленинградский фронт? Пока, кроме некоторой активизации подо Мгой,³ ничего. И хотя он назвал это «потребительским» интересом, все же интерес этот вполне оправдан хотя бы тем, что этот месяц⁴ для Ленинграда был отмечен свирепыми артобстрелами, когда день за днем снаряды гвоздили центр, Финляндский, район Загородного. Только за один из таких дней по городу было выпущено 900 снарядов.⁵ Когда проезжаешь на трамвае по Невскому, все время глаз натывается на новые дырки и повреждения. Особенно жутким был разрыв снаряда на трамвайной остановке на углу Садовой, прямо в густой толпе, останки которой потом сгребали лопатами.⁶ Но, несмотря на постоянную возможность таких случаев, жизнь течет поверх них. Запасаем дрова, ремонтируем и утепляем дома, снимаем урожай с огородов, все заняты своими большими и малыми делами. Я уже месяц живу на своем основном пепелище, на 8-й.⁷ Сперва было очень тошно, все мучило, все было противно. Возвращаться домой по вечерам иногда до того не хотелось, что я иной раз останавливалась в воротах, как перед препятствием. Всползала свинцовыми ногами на свой 6-й этаж и, захлопывая за собой дверь на все засовы, чувствовала себя как в камере со строгой изоляцией.

31/VIII – Эта надвигающаяся осень должна быть порой подъема и надежды – почему же такая тяжкая опустошенность давит иногда? Все движения, всякое занятие, кроме самых необходимых, кажутся ненужными, опротивевшими, и приходится понуждать себя к деятельности. Возможно, что и работать я стала хуже. Внешне ведь все благополучно, фронтовые новости ежедневно радуют,⁸ над Ленинградом затишье, здоровье не изменяет пока. Но вкус к жизни падает. Последнюю по времени радость дали мне Наташины⁹ письма, написанные под влиянием Цвейговской книги о Роллане.¹⁰ До нее дошли глубокие и человечные мысли, заложенные в этой книге, и я была счастлива, что Натка способна на них откликнуться, и даже настолько, что под их влиянием переломилось ее убийственное безнадежное настроение. Это было живое ощущение счастья за нее и радости, что хоть косвенно удалось ей помочь выйти из тупика. Оживлением промелькнули перспективы работы с комсомольской молодежью, несколько дней меня занимали планы создания для них интересных, активных занятий, не по сухой стандартной схеме политучебы. Но как только сталкиваешься с официальными инстанциями, вроде райкомовских пропагандистов, все обездушивается, стрижется под гребен-

ку обязательной программы, и надо бороться на два фронта: с одной стороны, манная каша готовых идей, преподносимая в порядке повышения политического уровня, а с другой стороны, индифферентизм молодежи, видящей всюду утомительные «нагрузки» и не умеющей ощутить живую душу в работе, идеологии, жизни.

Но все-таки я попробую побороться, нельзя так сдавать позиции. Сперва засушили и ликвиднули мою идею о рабочей мастерской для наших старушек и инвалидов, потом ставится под угрозу гибели моя попытка воскресить к жизни нашу молодежь или хоть отдельным лицам из них создать какой-то интерес, сделать более содержательными их будни. Попробую контролировать себя регулярными записями. Чего мне не хватает – это режима и дисциплины, домашняя изоляция как-то разложила меня, обезволила. Надо справиться с этим параличным состоянием.

1/IX – Основные дела сегодняшнего дня связаны с Промкомбинатом¹¹ – нашим *bête noire*.¹² Вместе с юристом, прикрепленным наконец после ряда анекдотических неудач к Отделу,¹³ проводили беседу в цехах. В недавнем моем обследовании Стройконторы¹⁴ поражал молодежный состав рабочих – подростки, совсем дети на вид, по 14–15 лет, чинят такие страшные повреждения домов, своими слабыми руками спасают жилища от разрушения.¹⁵ Работать им тяжело, часто они упираются против судьбы, случайно сделавшей их кровельщиками, печниками и т. д. Сегодня же – другая крайность: среди собравшихся на беседу бросались в глаза старухи, бабушки по 60–70 лет. Им бы только на печи лежать, а они стоят по 10 часов у станков, выносят всю тяжесть напряженной производственной работы. На обратном пути разговорилась с Кроленко¹⁶, который при первом знакомстве мне не очень понравился: неудержимо болтливый, как все адвокаты, не оставляющий собеседнику места даже для реплик. Но, как и во всяком человеке, я докопалась в нем до интересной сердцевинки: начали с отражения Ленинградских районов, даже домов отдельных, в литературе, у Гоголя, Достоевского, а кончили поэтами, эпохой символистов. По его словам, он знал многих из них лично, так как был связан с работой издательства,¹⁷ любопытно характеризовал Кузмина¹⁸ и прочих *dii minores*.¹⁹ И приятно, и странно было нырнуть опять в эту сферу интересов.²⁰ На 7-й ГЭС²¹ такие встречи были исключены из обихода.

Вечером была генеральная проборка руководителей Промкомбината в результате моего обследования. Милая Губина,²² против которой я меньше всего хотела бы ополчаться, несмотря на все их недос-

татки и все старания Анны Яковлевны²³ разжечь меня на жестокий обвинительный акт. Да и какое уж там обвинение, когда Юлия Тимофеевна²⁴ своим мягким, извиняющимся тоном говорит в заключение об «общем языке» и прочих примиряющих вещах. Может быть, это и не полезно для дела, палка педагогичнее, но мне больше по нутру,²⁵ чем злопахательство Анны Яковлевны.

В заключение затащила к себе Лили Карловну доедать Панины²⁶ грибы. Она здорово недоедает при своем могучем сложении после того, как ее лишили второй карточки. К сожалению, не было почему-то света, это редкая теперь неприятность, поужинали при коптилке. Но для меня день этим не кончился: вчера меня поймали на нарушении светомаскировки и вечером вызвали к квартальному. Я бегала туда три раза, больше из интереса, чем это кончится, все не заставляла нужного человека, пока наконец уже в 12-м часу²⁷ не наткнулась на него на улице. По основному преступлению получила для первого раза предупреждение, а попутно была причислена к группе домовой самозащиты. Кончено, значит, со спокойным сном во время тревог.

– Ну вот, дописалась до часу ночи. Коротко не выходит, а для ежедневного режима такую трату времени не вынести.

2/IX – Полдня провела на заводе Молотова²⁸ за проверкой. Против обыкновения в делах порядок, чувствуется внимание и добро-совестность. А все потому, что дело попало удачно в руки молоденькой Зины Ивановой. Простенькая курносая девушка, спокойная и деловито-приветливая. Я прямо с удовольствием провела всю работу в ее обществе. Зашла в цеха, но, как всегда, это очень неудобно в рабочее время, нарушаешь порядок, отвлекаешь людей или чувствуешь себя беспомощным зрителем, баловнем со слишком чистыми руками рядом с этими женщинами в масляных комбинезонах, занятых тяжелой, еще недавно неженской работой, по 10–12 часов не выходящих из полутьмы и спертого воздуха цехов. Я предпочитаю бывать в маленьких мастерских, где не такая напряженная производственная обстановка, как на оборонных заводах. После работы пошла с Лидой Варфоломеевой в библиотеку подбирать материал к ее завтрашней информации на комсомольском кружке. Смешно сказать, но я увлечена идеей этого кружка больше, чем эти девочки, и жадно ловлю проблески интереса и оживления в них. Волнуюсь, придут ли завтра они, и кто придет, и как они примут мою несколько необычную программу. Даже то, что девочки начали приветливо со мной здороваться при встрече, радует меня. В голове вскипает множество проектов, и приходится держать себя в узде, вводить в русло и скорее скупиться

на перспективы, чем наоборот. К сожалению, нет у меня ни системы, ни программы будущих занятий, хочется только одного, главного – любимыми средствами нарушить спячку, заставить молодежь интересоваться вещами, выходящими за пределы будничных занятий, и кружным путем подвести их к осознанию необычности наших будней и предъявляемых ими требований. Отдаленной целью мне представляется новое отношение их к основной работе и к комсомольским поручениям. Но так далеко страшно заглядывать.

День закончился в кино, куда пошли всем Отделом. Билеты я достала плохие, за что получила кислый выговор от Анны Яковлевны, но картина – «Воздушный извозчик»²⁹ – оказалась настолько удачной, что мы забыли, на каких местах мы сидим. Несложная тема, хорошо преподнесенная, но картина настолько наша, такая по-советски молодая и свежая, что по окончании Титова и Толмачева выразили готовность смотреть ее на бис. А мне она особенно показалась мила после американщины, на которую мне везло последнее время.³⁰

5/IX – Какой неожиданно-прекрасный день выпал сегодня! С 8 ч. утра дотемна мы были в Шувалове, даже дальше, в лесу. Погода была – лучше не закажешь, тишина, теплынь. Набрали брусники, грибов, обратно шли с Таисией Владимировной не торопясь, шлепали до трамвая два часа, да и немудрено было устать, найдя и в особенности напавшись в течение добрых семи часов. Она любопытный человек, – очень замкнутая и колючая, людей она, по-моему, не любит, но в то же время очень отзывчивая на доброе отношение, и всегда у нас с ней находится, о чем поговорить. Высокая, длинноногая, с юношеской фигурой и походкой, ничем не выдающей ее 40 лет, она хороший образец женщины-спортсменки, туристки. Заговорили, между прочим, о неминуемом в наших условиях фатализме, и она рассказывала мне, что сегодня хоронили ее соседа: человек отвоевал два года, был ранен, вылечился и два дня тому назад случайно встретился с врачом того госпиталя, где он лежал. Та его пригласила переждать обстрел у нее на квартире, и когда они там сидели, в окно влетел осколок и убил его на месте. Больше никто и ничего не пострадало.

6/IX – Месяца полтора тому назад в Отдел пришла круглолицая маленькая девушка, на носу какие-то совсем детские веснушки, на ногах стоптанные МПВО-шные брезентовые сапожки, просит устроить на работу. Оказалась демобилизованная связистка из армии. Из-за беременности не так просто было ее устроить, даже несмотря на нехватку рабочих рук: многие руководители отмахиваются от таких

работниц совсем на капиталистический манер. После нескольких неудачных попыток пристроилась она в наш Райкомунотдел. Сегодня зашла опять – очень довольна новой работой, но осталась без пристанища, своей площади нет, а чужая тетка, у которой она ютилась, выставляла ее чемоданчик в коридор. Я предложила ей свое гостеприимство на то время, пока она получит свою площадь. Правда, я совсем эту девочку не знаю, подкупила меня ее детская внешность и какой-то беспечный оптимизм, с каким она идет навстречу житейским трудностям. Может быть, она еще плохо себе их представляет, но, как бы то ни было, положение такой 19-летней девочки-матери, без кола и двора, без близкого человека – незавидное. Вечером я поджидала ее до 8 ч., но она за мной в Отдел не зашла. Я вернулась одна домой, в свою пустыню, и чувствую себя прескверно. После вчерашней поездки у меня изобилие всяких благ: грибы, брусника, всякие овощные блюда с моего огорода. В моем распоряжении три комнаты со всеми удобствами. Я должна с кем-то поделиться всем этим благополучием, дико пользоваться им в одиночку в море нужды и лишений. Но не всегда удается такая простая, казалось бы, вещь, как отдать излишки.

7/IX – Уже давно я безуспешно пыталась попасть к Верочке Королевой,³¹ у которой остались кое-какие мои вещи после переселения. После долгих розысков нашла на ее след в б<ольни>це Видемана,³² но как раз накануне она выписалась. Сегодня наконец застала ее дома, и тут только выяснилась мне причина ее исхудания и дурного вида – недели через две ей родить. После Смертного года, когда женщины не были женщинами, а мужчины перестали быть мужчинами, жизнь как будто наверстывает упущенное, и волна плодовитости захлестнула молодежь. На улицах видишь множество беременных женщин, к нам в Отдел без конца приходят демобилизованные девушки из армии, грудные младенцы перестали быть дикостью. Возможно, что кое-кто из этих молодых матерей не очень точно знают отца своего ребенка, кое для кого «блокадный» муж был в свое время нужен, прежде всего, как источник лишнего килограмма хлеба. И вообще – кто может ручаться за прочность военного брака, когда ежечасно его может разбить смерть? Но я не в состоянии морализировать, я вижу только, что жизнь оказалась сильнее смерти, а там, где появляются новые ее ростки – дети – этим все оправдано. Тем не менее я для начала постеснялась спросить у Верочки, кто же отец ее ребенка – то ли милиционер с гитарой, вечно торчавший у нее, или моряк, выкладывавший на стол из чемодана буханки хлеба, только бы не управхоз, противное хилое существо, проявлявший подозрительную предупредительность

к Верочке во всех ее квартирных делах. И все-таки приходил мне на ум ее первый муж, Танин³³ товарищ по институту, красивый парень, судя по карточкам, и достаточно культурный, судя по книжному наследию. И он, и черноглазый Славик, Верочкин брат, исчезли в пучине войны с первых же дней. А два-три года вдовства и верности погибшим не часто встретишь рядом. А ведь в неразберихе этой войны всякие сюрпризы возможны и, когда война кончится, не один покойник может воскреснуть.

10/IX – Три дня хожу в конец 15-й линии в домохозяйство, принимаю его после предзимнего ремонта в качестве председателя комиссии.³⁴ Сперва я струхнула такой неожиданной квалификации, но практически дело оказалось, как всегда, проще, чем казалось издали, и к тому же мне повезло: дома сравнительно упорядоченные, только одна дырка от снаряда – выкушен угол первого этажа, и приличное состояние со светом, водой, крышами и прочим. Правда, и это приличное состояние потребовало героической работы дворников, которые сейчас стали самонужнейшими людьми и универсальными работниками. Достаточно взглянуть на тысячу заплат, наложенных на крышах, на множество остекленных и заколоченных окон, чтобы представить себе, какой труд поднят этими двумя-тремя женщинами, еще год назад умевшими только стряпать да стирать. Большинство их имеет медаль «За оборону»,³⁵ и они крепко за нее поработали. На чердаках я обратила внимание на взломанный во многих местах настил и поинтересовалась, что это такое. «Это уголрозыск ломал прошлой весной, искали трупы», – пояснила мне управхоз. По ее словам, на чердаках соседнего громадного дома было обнаружено засунутых под настил трупов и объединенных костей около 100 человек. Розыски и уборка этих жутких складов были будничной работой милиции прошлой весной. И странно, по-настоящему остро чувствуешь весь ужас этого недавнего прошлого именно тогда, когда в лицо веет освобождением от военного кошмара. Все упорнее и чаще говорят люди о конце войны: события на нашем фронте, бесславный конец Италии,³⁶ явный перелом в нашу пользу – все это делает жажду мира острой и напряженной, как никогда, и даже такие скептики, как я, начинают надеяться. Мы терпим, но, как мы измучены этим кошмаром, мы узнаем только в день мира.

17/IX – Каждый день радуют радиосообщения, каждый день линия флажков или красные черточки передвигаются по карте влево. Значит ли это, что приближается конец кошмара? Боюсь даже себе отвечать на это. Минутами кажется, что вот – настанет кульминаци-

онный пункт наших испытаний, одолеем мы эту смертельную кручу, и наступит опять нормальная жизнь, мирное строительство, восстановление разрушенного. И начинает казаться, что после такой великой страды все должно быть по-новому, а на самом деле все останется по-старому. И люди забудут урок этих исключительных лет, и жизнь опять будет засорена бытовым и бумажным мусором. Но что-то должно вырасти новое из этого кровавого посева, надо только широко открытыми глазами смотреть вокруг себя.

4/Х – Вернулась поздно вечером с мокрыми насквозь ногами. Беспросветный дождь, на улицах чернильная тьма, а на ногах туфли с отвалившимися подметками. Смешно вспомнить те времена, когда промоченные ноги вызывали переполох, растиранье, согреванье и невесть что, и все-таки давали в результате насморк, по меньшей мере. А теперь почему-то все скатывается, как с гуся вода. Но вообще обувная проблема требует разрешения, принимая во внимание нашу разбегную работу. С октября нас «перестроили», распределили между тремя инспекторами весь район по участкам, поступившим в полное наше ведение по всему комплексу вопросов, и бытовых, и производственных. Центр тяжести переносится на бытовые обследования, это значит, что надо не вылезать из домохозяйств, обходить лестницу за лестницей, квартиру за квартирой. Сегодня я пустилась в экспедицию по громадному дому на Большом³⁷ 60⁶, где живет Верочка. В одной из квартир вместо разыскиваемой жены фронтовика разговорилась с ее соседкой. Высокая, характерная женщина лет около 40, донор, вдова, при ней девочка лет шести. На вопрос – есть ли еще дети? – говорит жестко: – «К несчастью, есть еще одна, 16 лет». И рассказывает, что девочка в голодный год совершенно погибала, полтора года была в больнице и спасена только усилиями лечившего ее врача. Сейчас поправилась настолько, что может уже работать, недавно поступила ученицей на Балтийский завод.³⁸ Но от голодовки в наследство осталось неисправимое безволие: получив карточки, она проедает их в два-три дня, наедается хлебом до дурноты, а остальное время голодает и живет за счет пайка матери. Я предложила переговорить на заводе, чтобы девочке не давали карточки на руки, это единственный способ борьбы с такой психической расшатанностью. Ведь их еще очень много, мучеников наследия Страшного года, и для них необходимо одно – сделать невозможными какие бы то ни было комбинации и расточительство с карточками и продуктами. Это осознание невозможности сразу вносит спокойствие, убивает навязчивую идею. Недавно мне рассказывал Зверьков, начальник Стройконторы, что у него

есть человек 10 учеников – подростков, которым он выдает талоны на хлеб и обед ежедневно из своих рук. Если карточка попадает им в руки, она немедленно продается, меняется, загоняется иногда самым невыгодным образом, а потом наступает голодовка, воровство и проч. Самое ужасное, что каждый из нас может наблюдать на себе такие же явления в более слабой степени, ту же неводержанность в еде, безволие перед куском хлеба и т. д. И все это ничего общего уже не имеет с настоящим голодом, потому что сейчас большинство из нас сыты, но это проклятое психическое раздражение осталось, и справиться с ним иной раз труднее, чем с приступами настоящего голода.

Свои путешествия я закончила у Верочки. Она с минуты на минуту собирается в родильный, боится даже из дому уходить, но дома, как всегда, деятельна и занята своими маленькими заботами и делами. Приезжал с фронта моряк – отец ее ребенка, которого она, по ее словам, прогнала и отвергла всякую помощь, как только выяснилась ее нежеланная беременность. Ребенка она хочет записать на имя мужа, думает о нем и все еще надеется на его возвращение. А настоящего отца хочет лишить всяких отцовских прав, в ее толковании беременность явилась для нее каким-то насилием, против которого она протестует таким способом. Любопытно, как проявляется неожиданная психологическая сложность в такой упрощенной натуре, как Верочкина.

13/X – Половина октября, а я все еще делаю вид, будто никакой зимы не предвидится. По утрам настужь распахиваю окна – душа не терпит фанерного полумрака, насчет дров даже сходить в домоуправление некогда, окна не промазаны, потому что все время занято делами капустными, посылками и проч. Кроме всего прочего, последнее время ночью у Верочки – стерегу ее материнский час. По вечерам прихожу к ней поздно, часов в 10, и полуночицаю до часу и позже с ней за компанию. Шьем, болтаем, ужинаем, и хотя время от времени царапает какая-нибудь ее сверхпрактичная мыслишка и фраза, но в общем я отдыхаю от мертвого безмолвия своих вечеров. А днем хожу по бесчисленным лестницам, из квартиры в квартиру, вижу самый разнообразный народ, накапливаю пестрые впечатления. Взять вчерашний день: встречаю во дворе одного дома молоденькую милостивую – почти девочку, спрашиваю, кто в армии, ожидая ответа – отец. Оказывается же, что этой девочке 23 года, она кадровый военный техник, проделала всю финскую и нынешнюю кампанию, была три раза ранена. А сейчас у нее трехмесячный малыш, занятный, спокойный, с круглыми голубыми глазками, на которые я не могла налюбоваться. Я с удовольствием посидела у нее и испытываю желание зайти

еще, тем более, что эта маленькая и такая бодрая мамаша совсем одна, ни родных, ни знакомых, ни соседей. А вот в другое место и надо бы зайти второй раз, но трудно преодолеть чувство беспомощности перед чужим горем. Маленькая старушка в большой опрятной комнате, где когда-то жила целая семья, стоят три кровати, большой обеденный стол – и она одна. Муж умер, дочь умерла, внук эвакуирован, и недавно пришло извещение о гибели последнего сына. Она сдержанно плакала, разговаривая и провожая меня, а когда дверь захлопнулась, я слышала отчаянные рыдания, которые преследовали меня, пока я спускалась по лестнице. Бывают благоденствующие семьи, с относительным материальным равновесием, сын или сыновья в армии – живы, пишут. В таких семьях встречают радушно, вытаскивают фотографии, письма, разговор почти всегда возвращается к пережитым испытаниям 41–42 г<одов>, о которых легче вспоминать в сопоставлении с нынешним благополучием. Из таких квартир уходишь успокоенная – все-таки не сплошные несчастья на свете.

25/X – Этой осенью особенно много приходится ходить, по-видимому, поэтому так чувствительна темнота на улицах. В дождливые, пасмурные ночи ходишь так – что с закрытыми, что с открытыми глазами – почти все равно. Вчера вела Верочку в родилку буквально ощупью, теряя ориентировку из-за частых остановок, – она досидела-таки дома до частых схваток. Ощупью едва нашли мы вход – ни си-ней лампочки, ничего, что бы указывало дорогу. На обратном пути, в расстройстве чувств, забыла про железную решетку у Видемановского фасада³⁹ и налетела на нее прямо носом. Очень тревожно было за Верочку, точно какая-то ответственность за ее благополучие легла на меня, хотя трудно найти более независимую особу, чем она. Родилась у нее дочка. Утром, когда я пришла в справочную и спросила о Бискаевой, румяная дежурная ответила одним духом: «Ноль двадцать девочка три триста». Я вышла немножко ошеломленная и уже на ходу расшифровала про себя, что это значило, а то в первый момент, кроме «девочки», ничто не дошло до сознания. Завтра попытаюсь использовать свои связи и деловые знакомства в больнице и пробраться к Верочке. Все-таки судьба мне повозиться с каким-то, хоть и чужим, малышом.

1/XI – Все чаще слышишь о людях, нашедших своих близких в освобожденных областях, и это, как радостное эхо наших побед, захватывает и волнует даже нас, случайных свидетелей, как будто это и наша радость. Сегодня наша Лили Карловна пришла сияющая, переполненная счастьем – получила из Донбасса письма от сына и ма-

тери, пропадавших с самого начала войны. За нее я особенно рада, она хороший, крепкий человек, много испытанный жизнью, и для нее возвращение сына – это свет и смысл дальнейшей жизни, которая подходит к сорокалетнему рубежу. Нашелся сын Миханковой, тоже застрявший где-то с бабушкой, умершей во время оккупации. На нее радость так подействовала, что она свалилась с сердечным припадком. У Юлии Тимофеевны тоже отыскались родные в Донбассе. И еще сколько рассказывают наши посетители таких случаев. Эти вспышки счастья в нашей многотрудной жизни точно проблески встающего света. Мы на подъеме из бездны – это чувствуется во всем, начиная с секретных пока распоряжений о восстановлении города и возвращении рабочей силы и кончая стабилизирующейся экономикой.⁴⁰ И в надежде на недалекий конец наших испытаний легче идешь навстречу нашим будничным трудностям. Чернильно-темные дождливые вечера, скверная обувь, от которой к концу дня делаешься калеккой, забота о дровах, безденежье – все такие пустяки, когда подумаешь, что каждый день приближает конец войны и свидание с близкими. Боюсь только, что я окажусь старой рухлядью к этому моменту. У меня так по-стариковски болят ноги последнее время, мое профессиональное хождение становится иногда острой мукой, а лестницы – божеским наказанием. А мне охрометь – это все равно, что почтальному: значит, выбыть из строя. Между тем работы масса, или того, что мы называем работой. Для меня все-таки основной смысл остается в возможности оказывать помощь людям, случаи такие постоянно подворачиваются в моих блужданиях. Но это мое личное удовлетворение, об этом даже говорить нельзя, так как наши задачи государственного масштаба складываются из контрольных функций, для меня очень тягостных и не свойственных мне. Наше влияние на работу предприятий ничтожно, заставить двух-трех нерадивых управхозов снабдить дровами наших старушек – тоже не завоевание. Я больше удовлетворяюсь такими случаями, как с Филипповым, стариком, к которому я попала по письму сына. Человек после 3-х месяцев больницы, с ранениями обеих ног осколками снаряда, на костыле, один в большой, пустынной комнате с заколоченными наглухо окнами. И добрые соседи,⁴¹ которые за 2 недели не дали больному кружки горячей воды, не говоря уж о том, чтобы достать ему хлеб или обед. Я неделю провозилась с ним, носила ему кипяток, завтрак, обед, наладила через поликлинику и Собес направление в Дом инвалидов. Это что-то осязаемое, по крайней мере. Но бывают случаи, когда оказываешься беспомощной в паутине чужих несчастий. Есть здесь, на

Смольном 4, дом хроников,⁴² куда помещают беспомощных и одиноких инвалидов. С месяц тому назад как-то я была на ф<абри>ке Пластмасс,⁴³ и пришла туда старушка на палке и костыле – пришла просить работы. Но у нее не оказалось паспорта, и картина раскрылась такая: это Чаленко-Стефанова, в прошлом учительница музыки и библиотечарь, была дважды ранена во время обстрелов, потеряла ногу и около года находилась в доме хроников. Оттуда ее назначили на эвакуацию, от которой она отказалась и добилась даже разрешения Попкова⁴⁴ на то, чтобы остаться в Ленинграде, поближе к сыновьям на фронте. Ни с чем этим администрация дома не посчиталась: паспорт у нее отобрали и назначили в отбывающий эшелон. Зная, что бывали случаи насильственного увоза, вплоть до физического насилия, она испугалась и для себя такой участи, тем более, что паспорт ей отказались вернуть, и сбежала из дома, неделю мыкалась голодная, без карточек, пока, наконец, ее не занесло в поисках работы на ф<абри>ку Пластмасс. Здесь в первый момент в ней приняли большое участие, обещали работу, общежитие, но – надо было получить паспорт, и ее отправили с провожатой опять с Косой⁴⁵ на Смольный <проспект>. Появилась она у нас в Отделе снова с неделю назад: все еще без документов, сидела в доме хроников на положении отщепенца; на ф<абри>ке Пластмасс ее уже отказывались брать, т<ак> к<ак> директор дома⁴⁶ расписал ее как сумасшедшую. Мы направили ее в Райсовет по месту жительства, после чего ей удалось вернуть свои документы, но на работу она уже не попала, наш Отдел⁴⁷ Октябрьского р<айо>на, где она живет, отнесся к ней скептически, и она опять приехала ко мне, голодная, запутавшаяся, затравленная недоверием и подозрительностью. Я убедила ее махнуть рукой на нашу фабрику, а устраиваться на работу поближе к квартире, и главное, взять хоть иждивенческую карточку, чтобы не голодать. После этого она не давала о себе вестей, а у меня тревожное чувство, что надо было еще что-то для нее сделать, чтобы помочь встать на ноги, и потом добиться, чтобы этот Дом хроников с его жуткими порядками – голодный карцер, побои, насилия, пьянство и грабеж администрации – привлекли бы внимание и настоящее вмешательство. Своими рассказами о нравах Дома хроников Чаленко больше всего себе повредила, и надо сказать, что для такой изувеченной, беспомощной старухи она проявила исключительное мужество, физическое и моральное, в отстаивании своей свободы и разоблачении окружающего разложения.

2/XI – Завтра беру Верочку из больницы, придется, наверное, опять часто заночевывать у нее, наверное, понадобится моя помощь,

особенно пока она еще не окрепла. Вопрос, как я уложусь во времени, ближайшая неделя перегружена до отказа предпраздничными делами. Нам предстоит, сверх обычных забот, разнести 50 пакетов с подарками многодетным матерям. Если принять во внимание, что все почти они работают и заставить их дома очень трудно, только поздно вечером, то эти праздничные визиты очень усложняются. Правда, мы получили наконец долгожданные фонарики, так что вечернее хождение несколько облегчается. У этих фонариков только один большой недостаток – за них надо платить из своих средств по 60 р., а мы все прямо запутались в безденежье. Я уже влезла в долги и растраты, предстоят праздничные выдачи, погашение всяких членских взносов, дрова, – ну, все не перечесть, 300 % дефицита. На коммерческие операции с пивом и проч. нет времени. К стыду своему, я немножко уповаю на Танню,⁴⁸ которая собиралась прислать мне денег, но писать ей о своих затруднениях у меня не хватает духу, хотя в свое время я обещала ей обратиться к ней за помощью в крайнем случае. Но я до того не привыкла ждать откуда-нибудь поддержки, особенно от детей, и потом она и так много мне посылала. Вольно же мне было 1200 р. послать Нате, на это Таня уж никак не рассчитывала. Нет уж, скорей поташу книжки или еще что-нибудь на продажу, хотя расставаться с книгами мне – нож вострый.

13/XI – Мне 48 лет, и, кажется, давно уже я не испытывала такой душевной легкости, как сегодня. Правда, день был на редкость полон радости, начиная с того, что утром на работе я получила телеграмму от Наталочки с известием о переводе ее в Пестово.⁴⁹ Похоже, что я становлюсь плаксой или около того: еще долго спустя меня душили слезы при мысли о возможном свидании. Я еще достаточно владею собой, чтобы не плакать всерьез от всяких волнений, но глаза мокнут при одной мысли о встрече с моими, и даже по меньшему поводу, вроде заботливого письма от Коли.⁵⁰ Из денежных затруднений я неожиданно вынырнула, – Таня прислала денег, и Коля тоже послал перевод. По этому поводу я как-то раздумалась, что надо уметь не только давать, но и брать, и быть объектом чьих-то забот. А мой объект для «отдачи» сейчас Верочка: она все еще в больнице, и я почти каждый день забегаю туда с записками и передачами, делаю все возможное, чтобы она не чувствовала одиночество.

Зато сама я была прямо отравлена этим одиночеством в праздничные дни. Никуда не выходила, кроме столовой, ни с кем не видалась и не разговаривала. Собственно, это не в диковинку, и я бы не почувствовала это так остро, если бы не случайные излияния Лили

Карловны, к которой неожиданно приехали старые приятели, и она по этому случаю сияла и не выходила из приподнятого настроения. И у меня навернулась шальная мысль: что бы в моей пустыне вечером услышать звонок или стук, а за ним какое-нибудь дружеское лицо. Но такие мысли, конечно, ничего, кроме бесплодного раздражения и вредного сиротского чувства, не дали. Я укротила себя мыслью – обойдусь, я же взрослая, всевыносящая, пусть уж Лили Карловне достанется проблеск радости. Нечто вроде того, как старший ребенок уступает младшему конфетку. Это ощущение старшинства является у меня все чаще и по отношению к самым разнообразным людям, часто старше меня по паспорту. Как будто я знаю что-то, что помогает мне переносить все трудности жизни, а они еще не доросли до этой невыразимой словами истины, и поэтому относишься к ним как к младшим, слабейшим. Любопытно, как это состояние умудренности контрастирует с довоенным чувством не-взрослости, вечной молодости. Ленинградский год бесповоротно истребил, выжег эту молодость. Но то, что стало на ее место, – это еще не преддверие смерти, а зрелость и проистекающий из нее глубокий внутренний покой. Смерть придет тогда, когда на смену всему явится усталость.

7/XII – Последние три недели я прочно засела в плену своих «семейных» обязанностей. 19-го взяла Верочку из больницы, и началась у нас серия всяких злоключений. Она мучается двухсторонней грудницей, t^{51} все время до 39° , кормления превратились в пытку для нее и для ребенка. Девочка, хорошая крепышка при рождении, превратилась за это время в морщинистый скелетик, вместо лица вечно широко открытый орущий рот. Ночи почти все с недосыпом, днем верчусь между работой, консультацией, аптекой и проч., преступно много урываю казенного времени на «семейные» дела. И самое печальное – это тяжелая, глухая досада на Верочку, которая, правда, и сама измучена, но и ребенка замучила своей безапелляционной педагогикой. Я не могу слышать, как она обзывает месячную каплюшку капризницей, обормоткой, хулиганкой и проч., когда девочка кричит у груди или не дает запеленать руки. Мои редкие реплики вызывают какой-то нутряной протест с ее стороны, и, чтобы не плодить вредное раздражение, я молчу и кротко выполняю свои второстепенные обслуживающие функции, только изредка обрываю ее взглядом или коротким словом, когда она даже ко мне позволяет себе резкости. Вот когда я оценила в себе запас внутреннего спокойствия, накопленного за последние 2 года. И я понимаю все, что происходит в этом маленьком эгоистическом существе с примитивным стремлением к личному бла-

гополучию, хотя бы в ущерб своему ребенку. Характерно, как она спешит перевести девочку на искусственное вскармливание и легко отказывается даже от грудного молока, т<ак> к<ак> его труднее получать в консультации, и даже приводит доводы против своего кормления и в пользу смесей. Трудно мне слушать ее безграмотные и самоуверенные рассуждения на любые темы, трудно переносить эту обстановку мелочного мещанства. Жулик и вымогатель – управхоз; коротконогая соседка-маникюрша с вечными заячьими ушами на макушке от зубов⁵² из той породы, что способны наплевать в соседский суп; загадочно-добродетельный Сергей Никанорович, милиционер, работающий на Веру вплоть до выполнения обязанностей няньки и окруженный облаком густых дворовых сплетен. Право, у меня иногда такое чувство, что я вклеилась неуместным действующим лицом в сцены из мещанской комедии. Но – назвался груздем, полезай в кузов: надо дотерпеть до какого-то конца в этой атмосфере бескнижья, без радио – и физически без свежего воздуха, т<ак> к<ак> комната лишена вентиляции, отапливается от буржуйки до 25–28°, а проветрить через соседнюю комнату Вера не позволяет, т<ак> к<ак> считает, что там пахнет сыростью. И все это на фоне участвовавших за последнее время жестоких обстрелов.⁵³ Вчера наш район был «под напряжением», как теперь принято выражаться, 7 часов, позавчера – 5 ч., только сегодня мы отдыхали, зато на Невском, говорят, ни пройти было, ни проехать. Много жертв, много таких диких, нелепых случаев, когда смерть поражает людей в самых как будто укрытых, безопасных местах, точно на выбор посылая им шальной осколок. Опять надоевшие перестукивания молотков в зияющих окнах, опять оборванные провода и взорванный домашний уют. И беспримерная живучесть, муравьиная возня, тысячью усилий снова и снова восстанавливающая разрушенное. Сейчас, когда Ленинград чувствует себя неуязвимым, когда и сами-то немцы, наверное, не питают надежд взять город – это упорное, маниакальное разрушение и убийство носят до того бессмысленный характер, что я чувствую – когда идешь под свист снарядов и слушаешь глухие удары разрывов, все лицо кривится в гримасе отвращения, сплюнуть хочется. Как будто наблюдаешь поступки вредного и мерзкого идиота.

10/XII – Вчера за компанию со всем Отделом пошла в кино. Вообще мне грозит опасность одичать, читать некогда с моей домашней нагрузкой, радио у Верочки нет, единственная связь с жизнью – газета, которую даже она выписывает и изредка читает. Но мою вылазку в свет мне пришлось скрыть от нее, хотя, может быть, это преувели-

ченная деликатность. «Жди меня»⁵⁴ – посредственная в художественном отношении картина, но она касается жгучей темы – семья и верность во время войны, и публика отзывалась на нее очень живо, многих она затрагивает за живое. Но правильно сказала иронически Василиса Петровна: для педагогических своих целей картина несколько запоздала, если даже допустить, что кого-нибудь в чем-нибудь может остановить влияние кино или повергнуть в раскаяние. Слишком много уже свершилось непоправимых измен и отступничества. Та же Верочка – она не перестает говорить об Юрии, вспоминать и ждать его. Отец ее второго ребенка⁵⁵ – как будто случайность в ее жизни, не имеющая значения. С наивным цинизмом она собирается преподнести мужу, в случае его возвращения, нового члена семьи, и как будто ни минуты не сомневается, что ребенок будет принят им миролюбиво и без драм. Конечно, все возможно в нашей мешанине, но когда она, не дрогнув бровью, записывала в Загсе ребенка на Юрия – на отца, кости которого, быть может, давно уже истлели где-то на Украине, – меня преследовало смутное, тяжелое и болезненное ощущение. Часто останавливаюсь мыслью на судьбе этой девочки, такой нежеланной, с первых дней доставляющей такие страдания матери, для которой как будто все обстоятельства готовят участь нелюбимого ребенка. Одни сравнения со старшей дочкой чего стоят! Только и слышишь: Аллочка так не делала, Аллочка была такая и сякая – все не в пользу бедной крошки, голодной, тощей, как заморенная обезьянка, и тем не менее цепкой в жизни как дикий выюнок. Такие дети обычно выживают вопреки всему.

1944 год

6/1 – Еще один условный рубеж пройден. Наступающий год должен быть годом осуществлений наших надежд и желаний, еще недавно, казалось бы, таких вне-разумных и необоснованных. И вот – каждый день все ближе подводит нас к воплощению мечтаний, и опять я чувствую какую-то тесную связь между судьбой страны и судьбой личной – и та и другая на подъеме. Наташин приезд на 10 дней, то, что мы встретили все-таки Новый год вместе в такой момент, когда все обстоятельства были против, – это точно обещание будущей мирной жизни. Десять дней – это было и страшно мало, и неожиданно много, т<ак> к<ак> мои надежды не простирались дальше 2–3 дней. А тут еще благословенный грипп, первый бюллетень за время войны, который меня заставили взять почти силком и который дал столько свободных часов, проведенных целиком с Наталочкой.

После ее отъезда опять рабочие будни, очень напряженные, т^{ак} к^{ак} у нас пол-отдела больных. Иногда мне очень хочется как-нибудь отразить все разнообразие человеческих лиц и характеров, проходящих мимо, но что толку в сухих описаниях? Никак не передашь ту неопределимую словами человеческую сущность, которую иногда ощущаешь внутренним чутьем, то дружественную, то враждебную. Из числа первых у меня начинают накапливаться приглашения в гости и на чай, причем делается это очень дружески, и надо бы откликнуться, но время выкроить более чем трудно. Одно такое приглашение от милой разумной пожилой женщины, на днях потерявшей мужа, старого работника Балтийского з^{аво}да, убитого шальным осколком во время ночного дежурства. Мы не знаем статистики жертв обстрелов, но последние недели должны очень увеличить эти цифры. Со всех сторон только и слышишь о погибших, а 2-го⁵⁶ весь район был взволнован гибелью начальника милиции Павлова. Человек, переживший столько бомбежек, всегда на казарменном по своей должности, – поехал на Новый год домой, на Невский, и в 7 ч. утра снаряд вломился в трехэтажный дом, взорвался на третьем этаже, а Павлова с женой убило обрушившимися балками и штукатуркой.⁵⁷ Раньше бывала стрельба только днем, а теперь и вечером, и ночью, и рано утром – снова и снова мерзкий шелестящий свист, раскаты взрывов – опять эта бессмысленная, варварская жестокость.

24/1 – Ленинград свободен!⁵⁸ Немцы отброшены, Петергоф, Стрельна, Пушкин – наши,⁵⁹ обстрелы прекратились.⁶⁰ Так долго мы ждали этого, и долгожданные события ворвались как неизбежность, и все течение жизни изменилось, как будто в каждой маленькой судьбе этот поворот отражается на тысячу ладов. У меня такое ощущение, точно с Наташиного приезда жизнь моя круто переломилась, нет больше одиночества, точно двери распахнулись, и в них входят люди, и льется свет. Внешне это сказывается в том, что на моей необитаемой вершине – движение, звонки, гости. Уже при Наташе я переживала необычайное наслаждение от одного того, что, возвращаясь домой, я могла постучать, и живой голос откликнулся за дверью, в холодных комнатах появилось тепло и жизнь. Наташа уехала, но что-то осталось от ее присутствия, самый воздух стал иным. Через полторы недели после ее отъезда появился первый гость – начальник снабжения ее поезда, остановился у меня. Прошло еще дней десять – прикатил главный инженер поезда, этот осел у меня прочно, за ним появились его приятели, что ни вечер – у меня гости, ужины, ну прямо зрелище, еще недавно невероятное. Я наслаждаюсь этим оживлением всеосто-

ронне: мне интересно столкновение с новыми людьми, я радуюсь, что могу принять и угостить гостя, как в доброе старое время, не учитывая кусочки хлеба и не задумываясь над обеденной проблемой. Я возвращаюсь вечером домой с чудесной мыслью, что есть, для кого хлопотать с чаем и ужином, есть, с кем перемолвиться словом. Пусть это чужие, случайные люди, но точно заклятие какое-то разрушено, и это предвестие возвращения близких и нормальной жизни, преодоление военных лишений и уродства.

12/II – Час ночи, наступает вторая годовщина гибели Бори.⁶¹ Вся последняя неделя насыщена для меня воспоминаниями того жестокого года. Все вокруг, точно по сговору, приводит к этому: встречи с людьми, вернувшимися с Большой Земли, а особенно шесть тетрадок с моими записками,⁶² которые я впервые вынула и перечитала неделю тому назад. Ими заинтересовался Александр Иванович,⁶³ у него просили материалы по истории станции, и он вспомнил мое писание, которое наблюдал в период нашего соседства на станции. Я начала читать их, пытаясь объективно оценить с точки зрения общего интереса, но со второй же страницы потеряла всякое критическое чутье и утонула в этом потоке воспоминаний, не могла оторваться до глубокой ночи. Я почувствовала, что одной мне невольно, не вынести этой тяжести, и позвала Александра Ивановича на помощь. Он пришел только сегодня, и трудно передать, как я ждала его всю неделю, считая дни до субботы, вечером сегодня волновалась, ожидая его звонка. И когда я читала ему историю этой совместно пережитой эпохи, это было несказанным облегчением, как разделенная ноша. Я рада буду как-то избавиться от груза воспоминаний, они тянут к себе как омут, без конца возвращаешься к этим книжкам, перелистываешь, выхватываешь то один, то другой эпизод. Все это не забыто, только затуманилось слегка, и не забудется до смерти.⁶⁴

1945 г<од>

14/III – Что мы такое – герои или рабы – в нашей невероятной, на пределе сил и времени работе? Не принадлежишь себе ни днем, ни ночью, самые неотложные требования быта и семьи становятся проблемой, все дни проходят под гнетом недоделанных дел, невыполненных обязательств. Даже болезнь становится непростительным срывом и непозволительной роскошью.

6/IV – События, развертывающиеся перед нами, переживаются, но не обдумываются и не оцениваются в их настоящих масштабах – слишком близко мы к ним стоим. Но даже наши обязательные заня-

тия, от которых большинство старается увильнуть, уже помогают разорвать будничную паутину и заглянуть дальше и глубже. В нашей треклятой суматохе думать мы не успеваем, а в официальном порядке для этого отведен один час в неделю. Он только бередит. Мне иногда, как свежего воздуха, не хватает умственной работы, ловлю себя на смешной мысли, что готова была бы сейчас засесть за учебу и наслаждаться ею. Но все это – негласные размышления в 2 ч. ночи, неосуществимые как утопия.

10/VI – Я получила на днях три переплетенных экземпляра своего дневника. Принес их ко мне на работу Лебедев из Ин<ститу>та истории партии,⁶⁵ с час сидел у меня, своим медлительным, обстоятельным тоном наговорил самых лестных вещей и в виде не то совета, не то просьбы указал, куда направить рукопись и отдельные экземпляры.⁶⁶ И разбередил все во мне. Если до сих пор я терпеливо везла свой воз, то сейчас я с непереносной остротой ощущаю, как все силы и время уходят впустую, часто на ненужную канцелярщину, на бесплодное топтанье, в то время как жизни осталось так мало, а сделать еще нужно так много. И делать то, к чему рвешься всей душой, чтобы вложить в это все силы, все свои возможности, все, что накопилось за полвека жизни и ищет выхода. Но выхода нет, каждый день все туже стягивает петлю на шее, я не могу больше дышать. Как разорвать эти путы?

18/VI⁶⁷ – Мне думалось иногда, что война стряхнет с него шелуху быта, высвободит внутренне, вернет ясность видения. По старой привычке я мысленно говорила с ним о самом дорогом, обо всем, что можно высказать только одному человеку в жизни. Почему мне казалось, что смертельное поветрие этих лет не коснется его? Может быть потому, что я так хотела умереть первой. И вот – ничего больше не будет – он умер.⁶⁸

24/VI – Да, действительно, накопленный в старости опыт – бесплодный груз, потому что передать его другому нельзя. Это мысль Роллана,⁶⁹ и я с горечью сейчас должна признать ее справедливость. Наташа как будто начала выправляться после мрачных годов, по крайней мере так мне показалось, но сейчас каждый день я наталкиваюсь в ней на мрачное, безнадежное настроение, какое-то вредное самовнушение, что жизнь ее в тупике, что впереди нечего ждать хорошего, и если бы не Юрик,⁷⁰ то впору с собой кончать. Я слышу в ее голосе свою молодость, свои 22–24 года, я знаю, что все это неверно, жизнь всегда даст ищущему, хоть не в полной мере, но что-то даст. Но сколько бы я ни убеждала ее в этом, я не могу помочь ей преодо-

леть эту полосу упадка, она должна сама, своими силами выйти из нее. Я это знаю, но не говорить голосом своего опыта не могу, так же как не могу вторить ее меланхолии. Между тем мои попытки уравновесить ее мрачное настроение встречают такое раздражение и ожесточенный отпор, что надо замыкаться и молчать. Опять молчать, всю жизнь молчать, – видимо, нет выхода для меня из одиночества. Почему так складываются все отношения с близкими людьми? Почему, например, я потерпела неудачу с Капой? Иначе, как неудачу, не могу рассматривать свое «опекунство». За год с лишним девочка не привязалась, даже не привыкла ко мне, нет в ней ни доверия, ни просто легкости в отношениях. Я была бы счастлива, если бы она обратилась ко мне за помощью в чем-нибудь своем личном, – не в обувном или квартирном вопросе. Но она замкнута и отгорожена, и опять я остаюсь со всем невысказанным теплом к ней, как с лишним балластом, никому не нужным.

1/VII – Моя работа с каждым днем требует все большего напряжения всех сил. Похоже, что с концом войны у людей сразу лопнуло терпенье и если еще недавно они как-то выносили свою нищету и лишения, то сейчас они больше неспособны ни на какое самообладание. Наши приемы стали пыткой, такая волна злобной требовательности изливается на голову дежурного инспектора. Слезы, причитания, злые колкости, а подчас и грубые оскорбления – надо обладать сверхчеловеческой выдержкой, чтобы противостоять⁷¹ этому спокойствию и деловое внимание. Наши работники, особенно Наташа, все чаще срываются и впадают в «собесовский» тон, что опять-таки вызывает раздражение и жалобы. Надо добавить к этому невозможную обстановку нашего коллективного приема, когда говоришь с одним человеком, а вокруг толпится двадцать раздраженных, озлобленных женщин, по-своему оценивающих и перетолковывающих каждое слово. Вмешиваются, подают реплики или – еще хуже – заражаются все чьей-нибудь слезной жалобой, и начинается массовая истерика. Приходится не только заниматься одним посетителем, но и дирижировать толпой, держать ее в руках. После пяти часов такой работы, пропустив 40–50 человек, встаешь со стула совершенно опустошенная, на грани самообладания. Остальные дела, заполняющие 12–14 часов моего «нормального» рабочего дня, после этого кажутся пустяками. Но вообще иногда сама себе удивляешься – как я еще держусь? Мало того, ловлю себя на том, что хожу с высоко поднятой головой и испытываю что-то вроде гордости победы. Каждый день, каждый час – это борьба с измученными, глупыми, истеричными женщинами, которых

надо образумить своим спокойствием и выдержкой, а с другой стороны – с самой собой, со своей человеческой слабостью, тягой к самозащите, физической усталостью. Дома тоже, – отношения с девочками складываются не гладко, все время в воздухе какое-то напряжение, вызванное в значительной степени материальными недостатками. И здесь, дома, – я всего слабее, здесь так хотелось бы простого тепла и дружелюбия, и когда оно нарушается, я испытываю настоящую боль. Но всюду – и дома, и на работе – надо держать себя вытянутой в струну и не давать воли слабости. Я держусь, но очень, очень устала.

27/VII – 45<года>⁷² – Кажется, жизнь приберегла мне еще какую-то радость. Я получила письмо от Лизы Званцевой.⁷³ Плакала над ним и весь день была полна им. В письме три маленьких карточки, и в них, и даже в почерке она похожа на отца, и как сама она утверждает – похожа и внутренне. Я мало рассчитывала на ее отклик, писала ей больше от своей душевной тоски – и вот это письмо. Трудно подумать, что пишет 17-летняя девочка, столько в ней силы и зрелости, столько душевного богатства.

И так много близкого, родного мне по духу, что я была потрясена и полна волнением до растерянности. И еще мысль, наполняющая душу теплом: девочка очень одинока, и помнит меня, почувствовала даже ребенком 10-летним то чувство, в котором я охватывала и ее отца, и ее как существо, которое он любил больше всего на свете. Боюсь даже дать волю своим мыслям и надеждам, но хочу быть близкой этой почти незнакомой девочке, может, она сумеет взять что-нибудь из моего нерастраченного душевного богатства. Но даже то, что к уходу П. А. в армию мы отнеслись одинаково, я – оторванная от него почти десятилетием, и она, жившая с ним неразлучно, – даже эта одна подробность заставляет надеяться, что я не обману ее.

5/VIII – Месяц тому назад казалось, что жизнь так круто взяла в тиски – круче некуда, а оказывается, есть куда. За этот месяц мое семейство пополнилось еще тремя членами: приехала Лидия Николаевна с Натудей из Челябинска,⁷⁴ а неделей спустя⁷⁵ неожиданно появилась тетя Лида.⁷⁶ Если Лидия Ник<олаевна> оказалась не в таком тяжелом состоянии, как мы ожидали по письмам, то тетя Лида превзошла самые страшные ожидания: скелет, обтянутый коричневой высушенной кожей, и вдобавок, по-видимому, туберкулез на последнем этапе. Сразу после приезда Лидии Ник<олаевны> я выселилась на 8-ю,⁷⁷ и сейчас счастлива, что есть отдельное помещение, где можно тетю Лиду изолировать от детей. Если бы пришлось жить всем вместе в нашей тесноте и неблагоустроенности, боюсь, что даже у меня

голова свихнулась бы от тревоги. Наташа,⁷⁸ перегруженная заботами и беготней, отчасти подавленная неопределенностью материальных перспектив, понемножку входит в норму. А я мечусь между работой, домом и тетей Лидой, иногда просто плыву по течению, махнув рукой на угрозы завтрашнего дня. Больше всего ощущаю отрыв от Юрика, которого вижу урывками, прямо нутром иногда о нем тоскую, иногда бросаю все и лечу домой и обычно застаю его спящим. Да и Мурочка⁷⁹ стала от меня отвыкать, и вдобавок ко всему она худеет, кашляет, стала плохо слышать, и невыносимо, что не удастся ей уделить хоть сколько-нибудь времени и заботы. Все это вместе с напряженной, не дающей передохнуть работой держит на пределе нервного напряжения. Весь день, с 7 <часов> утра до глубокой ночи – работа, прием десятков нервных, озлобленных, нищих женщин, необходимость вечно куда-то поспеть, чего-то не забыть и при этом не утратить ровности и спокойствия. А короткой ночью – душераздирающий кашель Лидочки, захлебывающейся мокротой, и опасность проспять утром, т<ак> к<ак> я не набралась бесцеремонности оттягать у Тани один из двух ее будильников. А первую неделю после приезда Лидочки еще вши, дорожные вши, которые всюду ползали и доводили меня до умопомрачения. Но его-то как раз и нельзя допускать, нужно сохранять свежую голову во что бы то ни стало. Лидочка слабеет с каждым днем, с ужасом жду дня, когда она не сможет встать в уборную. Кормить ее – сложная проблема, она колеблется между надеждой на поправку и желанием покончить с физическими мучениями, то заставляет себя есть, то все ей противно, причем все время кажется, что если бы дать ей настоящее питание, то был бы результат. А я, глядя на нее, все время думаю: какая мучительная вещь умирание, и что сделать, чтобы самой в умирании сохранить себя, не позабыть все трезвые и умные мысли, когда тело откажется служить и будет лишь источником страданий.

20/IX – Если я сейчас лягу, все равно не уснуть, несмотря на то, что весь вечер хочу только одного – уснуть. Все, что копилось месяцами, – усталость, тревоги, рабочее напряжение, боль моей потери – все вырвалось диким взрывом, близким к истерике. Таня так и сказала мне вслед – «не стоит устраивать истерик». Не помню, когда мне было так тяжело. Я сидела в Отделе, не зажигая света, и все внутри разрывалось от неумелых, непривычных рыданий. Смешнее всего вспомнить о конечном поводе – обычный домашний спор на политическую тему. Но это не просто спор. Я сразу сказала Наташе, что не хочу ни возражать, ни доказывать ничего, я слишком устала для бесцельных

дискуссий. Но она со злостной настойчивостью втянула меня в злощастный спор, вмешалась Таня – и дело кончилось для меня плохо. Столько у них – особенно у Тани – обидного неуважения, желания сделать больно, никакой пощады, никакого тепла – что меня это добило. Я так ненавижу подобные выходы у других, но тут все скопилось сразу, и у меня уже не хватило сил.

Боже мой, уехать хоть ненадолго, стать опять человеком, иметь время, когда ничто не подгоняет тебя в три кнута – но ничего у меня не выйдет. Сейчас у меня нет сил даже бороться за свой отпуск. Для него нужны деньги, для денег нужно массу энергии и изобретательности, а я устала до того, что вывести меня из оглобель – и я свалюсь, как заезженная лошадь.

⁸⁰[1946 год
<Не ранее 5/III>

Еще нет года нашей мирной жизни, и снова нависает над душой и телом угроза войны.⁸¹ Таня с особым искусством всегда получает самые мрачные известия, ее информация не всегда заслуживает доверия, но сегодня я потеряла от ее разговоров покой. Даже самая возможность этих разговоров невыносима. Опять война – никакими словами не передать, что кроется под этим. Еще раз пережить потрясение 22-го июня, и даже в тысячу раз худшее, потому что тогда мы не знали еще, что такое нынешняя война, а теперь МЫ ЗНАЕМ.

Я смотрю на детей, на Юрика – и не могу дышать. Наташа уже не в первый раз повторяет, что в случае войны она убьет и себя, и его. Надо бы ее пожалеть, нелегко дойти до такого тупика, но я в ужасе от ее внутренней опустошенности. Да, страшно,] невыносимо, выше человеческих сил. Но неужели самим подставлять голову под обух и не бороться даже за наших маленьких?

21/III – Тупик. В работе, в семье, в душе – всюду тупик. Если не будет крутого перелома в ближайшее время, самого крутого – перехода на жизнь совсем непохожую на сегодняшнюю, – то это состояние станет началом конца. Самое печальное, что я, еще не потеряв воли к жизни, ишу выхода ощупью, не зная сама, в каком направлении пробиваться на волю. Трудно мне и горько, и не могу вынести сейчас сближения с людьми, особенно типа Лидии Николаевны, смесь чрезмерной интеллигентности с наивным эгоизмом, с ее культом слабости. Ее простодушное ожидание сердечных излияний, души нараспашку, с первой же нашей встречи заморозило меня, заставило отгородиться и замкнуться на семь замков, хотя это было жестокостью с мо-

ей стороны. Так я и пребываю в этом состоянии жестокости, которое меня самое давит до того, что, если бы не дети, я разучилась бы улыбаться.

5/IV – Мои желания перемены сбылись, хотя бы на время. Месяц болезни обернулся большим благополучием и завершается в самой неожиданной обстановке: в латвийском санатории Бирини.⁸² Сутки в дороге, полдня в Риге, трехчасовое путешествие в грузовике – и вот на месяц я вхожу в новый жизненный уклад. Самое чудесное в нем – это свобода действий и еще более свобода мыслей. Обязательный режим не стесняет, а только упорядочивает, а своих личных, далеко загнанных дел столько, что был момент, когда я испугалась, что опять станет некогда.

Нужно ли мне оглядываться на прошедший год? Он был очень трудным для меня. Год искажения того морального облика, который я хотела бы в себе воспитать. И самое точное определение того, что со мной случилось, дала Лидочка случайной фразой, точно перед смертью осветила мою главную язву. В один из первых дней по приезде, когда она еще могла думать, она по какому-то случайному поводу сказала: «Пусть человек все отдаст, последнее с себя снимет, но если он сделает это без любви, – грош цена всем его усилиям». И тогда, еще не зная, как это справедливо по отношению ко мне, я почувствовала себя ужаленной этой мыслью. Внешне я много делала для других: и Лидочка, и Ната, и Федоровы, и Лидия Николаевна – всем я оказывала какую-то помощь, для всех уделяла сколько-то времени и внимания, и все бесплодно. Не было настоящего тепла и сердечности в моей помощи, и поэтому не было от нее людям настоящей пользы, а мне душевного мира. Материально я была лишена самых необходимых удобств, спала на чем попало, укрывалась пальто, не знала покоя ни днем, ни ночью – но что мне это все, если бы я не тянула груз вредных, недобрых чувств и мыслей? Это и только это отнимало силы и ожесточало сердце. И вот наконец я чудом вырвалась из этой трясины и осталась наедине с собой. За этот месяц я должна как-то укрепить душу. Для этого больше всего мне нужен этот месяц передышки.

В смысле обстановки мне очень повезло. Санаторий занимает помещичий дом, построенный лет 150 назад в «замковом» стиле,⁸³ но с современными удобствами. Дом стоит на пригорке над озером, балкон, лестница к озеру, ротонда на берегу, холмистая даль, деревья, прекрасные даже без листвы, – все в мягких, умиротворяющих линиях. Недавно здесь шли бои, но следы их уже сглажены, и ничто о них

не напоминает, кроме редких братских могил, о которых тоже скоро забудут. После трагического разрушения Ленинградской и Псковской областей здесь все выглядит нетронутым.

8/IV – Братские могилы пока еще не забыты. Вчера мы ходили на похороны красноармейцев, тела которых переносят из разрозненных захоронений в одну братскую могилу. Собирались у волисполкома, с венками и знаменами. Из санатория пришли все русские и очень немногие латыши, но местного населения собралось достаточно, и по шоссе развернулась внушительная процессия. Место для могилы выбрано на редкость:⁸⁴ высокий, крутой пригорок, как курган, впереди – холмистые поля видны далеко вокруг, отдельные веселые хуторки, дороги, обсаженные деревьями, за холмом – лес. Пестрая толпа разместилась по склонам холма, тесно окружила две длинные могилы на вершине. Одна уже закопанная, густо покрытая хвоей и венками, другая еще зияет вскопанной желтой глиной. Над головами трепещут под ветром три красных знамени. Безымянный красный гроб опускают в могилу. Салют «истребков» – истребителей, остатки партизанских отрядов. Речи по-латышски с частым повторением «sarkane Armija» и «varoni»,⁸⁵ выступление школьников, слезы женщин. Все это на фоне синего безоблачного неба, весенних полей, темных елей – врезалось в память, как застывшее на миг гармоничное целое. Трудно сказать, сколько все же под этим кроется дисгармонии, часто в форме неприкрытой вражды. Отношение латышей к русским очень интересно. Оценка положения, конечно, чаще всего начинается с желудка, и не в нашу пользу, а оттуда и политические выводы. Незнание языка страшно связывает меня, все приходится брать с чужих слов. А мои попытки научиться латышскому языку за месяц много не дадут. Но все же я уже начинаю улавливать смысл обыденной речи. Много помогает мне соседка по комнате, пожилая женщина, умная и умеющая видеть и думать. Она была замужем за латышом, жила в Латвии все годы ее самостоятельности, вплоть до эвакуации перед немцами, много настрадалась, как презируемое нацменьшинство, многое видела и испытала в демократической Латвии. Мое общение с населением санатория пока ограничивается соседями по комнате – две русских – и по столу. Там мою компанию составляют милая старушка-латышка, библиотекарь из Москвы, всецело советской ориентировки, демобилизованный из армии латышский еврей, человек невероятно вертлявый и несолидный, и третий, самый любопытный, директор рижской библиотеки, высокий, сухощавый латыш, изящный, преувеличенно вежливый, приятный в обращении, но с неприятным смехом и некра-

сивыми руками. Трещотка Радин объявил наш стол «самым интеллигентным», и действительно, разговоры у нас ведутся самые культурные, все мы говорим на многих языках, но, к несчастью, три четверти беседы ведется на латышском, и тогда я сижу как чурка и наливаюсь гневом. По смыслу я улавливаю, что разговор идет об интересных для меня вещах, но принять участие в нем не могу. Были моменты, когда меня подмывало демонстративно уйти из-за стола, переменить место, и переживания мои были до того неприятны, что портили весь день. Сейчас я притерпелась, а главное выучилась брать разговор в свои руки и переводить на русский, которым все трое отлично владеют. Кроме прямого неудобства от незнакомой речи меня оскорбляла и нетактичность сотрапезников, которую они проявляли при всей их интеллигентности.

16/IV – Половина моего срока миновала, а мне еще не надоело безделье. Правда, безделье относительное, т<ак> к<ак>⁸⁶ весь день чем-нибудь заполнен. Несколько дней я увлекалась сбором исторических сведений о Бирини, помогала переводить латышскую брошюру, добывала сведения у старика-садовника, который 44 года безвыездно работает здесь. Он сам по себе стал местной достопримечательностью: этот высокий, сухой старик видел здесь войну 14-го года, был свидетелем разорения помещичьего гнезда в 18-м году, потом пережил период относительного покоя при Латвийской Республике, потом советская власть в 40-м году, немецкая оккупация, снова советская власть – словом, вся история Латвии за последние полвека. К несчастью, без языка я не могла уловить все то интересное, что он рассказывал, и должна была довольствоваться куцым переводом культурника Бориса. Маленький еврейский парень, потерявший всю семью при немцах. Историю последних владельцев имения, Пистолькорсов,⁸⁷ старик рассказывает особенно охотно, и замечательной иллюстрацией к его рассказам служит альбом фотографий этого семейства. На первой странице – последний владетель, при виде которого я ахнула от удовольствия, такой законченный типаж. Физиономия жирной, раскормленной свиньи с двойным подбородком и отвислыми щеками, – непередаваемо надменные глаза в узеньких щелках. Следующая – его супруга из того же рода Пистолькорс, тупой и тоже надменный профиль, гордая дама, по свидетельству и старика, и подписи к портрету. Эта гордая дама была любовницей какого-то великого князя,⁸⁸ известие об этом, доставленное в Бирини братом ее жирного мужа, довело его до паралича сердца в ту же ночь. Дальше – портреты трех отпрысков: старший, нелюбимый сын у матери, похожий на отца, в резуль-

тате каких-то имущественных обид покончил с собой. Младший, любимец, толстогубый молодой человек дегенеративного вида, счел себя косвенной причиной смерти брата и последовал его примеру. Третий отпрыск – дочь, тоже толстогубая, простецкого вида, снята со своим супругом, усатым и толстым красавцем-мужчиной. Тут уж целый роман: этот красавец был старшим лесничим имения и возлюбленным гордой барыни, но когда в него влюбилась богатая и единственная к тому времени наследница, он отверг ее мамашу, дал отставку законной жене с тремя детьми и женился на богатой невесте, которая добилась согласия на брак под угрозой самоубийства, столь принятого в семействе.⁸⁹ Интересна ее дальнейшая судьба: еще до революции она с мужем уехала в Германию, народила там ему 7 человек детей, была покинута мужем и в заключение при Гитлере лишена имения, как нечистокровная арийка. Ее бабушка, баронесса Эмилия Пистолькорс, была дочерью петербургского банкира Штиглица, еврейка, и принесла в приданое 8 миллионов, на которые и был выстроен замок.⁹⁰ Этот финал повести о благородном остзейском семействе мне особенно понравился. Право, будь бы время, написать бы роман с этими типами, только пришлось бы от себя присочинить хоть один добродетельный персонаж.

Вторым моим увлечением был Рерих. В библиотеке нашлась монография о нем рижского издания с хорошими иллюстрациями,⁹¹ и я получила большое и свежее наслаждение от этих вещей, от сказочной щедрости красок и от глубокой мысли, рождающей что-то новое в душе. Большая часть репродукций относится к заграничной, второй половине жизни Рериха, того Рериха, у которого музей в Нью-Йорке⁹² и поместье в Гималаях.⁹³ Тут у меня и боль, и недоумение: как мог этот такой насквозь русский художник уйти в буддизм, к Лао-Тце и Сакья-Муни?⁹⁴ Может быть, это вопрос восприятия, но мне эти вещи⁹⁵ показались умными, интересными – но сухими. Пробовала я даже скопировать его вайделотов,⁹⁶ но на полдороге оступилась, несмотря на то что действовать карандашом мне доставляет большое, давно забытое удовольствие.⁹⁷ Вообще тут столько прекрасных мест, такая расцветка в ясные дни на озере, еще покрытом тончайшей ледяной корой с ослепительно голубыми проталинами, что мысль о красках и карандаше становится навязчивой. Кое-кто из санаторцев рисует, я пошла к одному посмотреть, – и у меня прямо заныли зубы: образцово-рыночная мазня на фанере, и вдобавок, как оказалось, с откровенно коммерческими целями. Эти лунные небеса и лазурные реки будут украшать какой-нибудь красный уголок или клуб. Я воздержалась

лась от критики и выразила только свое уважение находчивости художника, который сам делал и кисти, и краски. Рядом на стенке висел косоротый Пушкин работы другого автора. Уж не знаешь, что лучше: это первобытное искусство или абсолютное неумение себя занять у большинства населения санатория. В хорошую погоду они разбредаются по окрестностям, а в плохую томятся до одури, в лучшем случае читают или играют в настольные игры, а в худшем упражняются одним пальцем на пианино или кричат песни в стиле хора Пятницкого.⁹⁸ У меня благодатная комната, не людная, далеко от пианино, полная солнца с утра до вечера. В ней что-то успокаивающее, ее палевые стены, бледно-розовые занавески, синева и черный узор ветвей в высоких окнах – смягчают внутренний беспорядок, который иногда все же дает себя знать. Было два вечера, когда я ничего не делала, сидела одна в кресле и мучилась беспорядочными мыслями, несвязными воспоминаниями.

19/IV – Каждый день по сто раз проклинаю свое незнание языка, которое так суживает круг наблюдений. Меня многое интересует в Латвии, стране, жившей больше 25 лет особой, отличной от нашей государственной жизнью. Рядом с нами это страна, процветающая экономически, даже сейчас, когда богатство ее растрепано приливом и отливом войны. Но во времена самостоятельности, и особенно при мелкобуржуазном Ульманисе,⁹⁹ царило относительное благоденствие. Одновременно правление Ульманиса насаждало антисемитизм, было ярко антисоветским и прогерманским,¹⁰⁰ была безработица, но хуторское хозяйство укреплялось, было образовано много, как здесь называют, *jaunsaimniecības*¹⁰¹ – молодых хозяйств, за счет крупных земельных владений, вроде Бирини. И сейчас явная антипатия латышей к русским исходит из невыгодных для нас сравнений. Мы принесли с собой наши жестокие порядки, нашу бедность, – а какое дело латышам до причин этой бедности? Какое дело рижанам, что у них под боком немцы уничтожили 80 тысяч евреев? При немцах были хорошие чулки и сахарный паек. Своеобразное впечатление производит деревня, то есть условная деревня, т<ак> к<ак> скопления домов здесь нигде нет. Хутора разбросаны на 0,5–1 км друг от друга, и поэтому первое впечатление – это разобщенности и малолюдности. Второе – страшно мало детей. Мне попадались группы школьников в 5–6 человек, на красноармейских похоронах было несколько матерей с детьми на руках. Но в тех 5–6 домах, куда мы заходили, я как нарочно не встретила ни одного ребенка. В двух домах, где биография хозяев стала известна, детей нет совсем. Мы покупали масло в хозяй-

стве, где живут мать-старушка с сыном, типичным тяжеловесным латышом лет 40–50 на вид, холостяком. Хозяйство крепкое, хотя из 8 коров осталось три, но для кого они копят добро? О другом доме подробно рассказывала ленинградская старушка, застрявшая здесь после немецкого угона. Хозяин, лет за 60, женился на женщине лет на 20 его моложе, дом полная чаша, начиная со скота и кончая фруктами, но от скупости дрожат над каждым яблоком-падалицей, работающая на них старушка не смеет ягоды сорвать, хоть бы они осыпались без пользы. И копят, копят – кому? детей нет. Вообще – внешняя выдержка, воспитанность, и прижимистость, скопидомство. Впрочем, последнее свойственно, кажется, большинству крестьян любой нации.

22/IV – Второй день мучаюсь из-за немецкой проблемы. В Бирини полтора десятка военнопленных, причем на них держится все хозяйство, они и дровосеки, и слесаря, и шоферы, и водопроводчики. Живется им неплохо, вид у них сытый, надзора по сути дела никакого. Но все-таки это современные рабы, и срока их рабству не видно. А для меня это люди из другого мира, и я не могу не интересоваться, что же они из себя представляют. Больше всего мне хотелось бы вернуть каждого из них наизнанку, и если окажется, что это подлинная мерзость, бременящая землю, – отряхнуть ее, как гадость, прилипшую к подошве. А если это человек в нашем понимании этого слова – вздохнуть с облегчением, потому что разум не мирится с поголовным превращением целого народа в расу отверженных. Но, к сожалению, люди наизнанку не выворачиваются, и мое желание хоть что-то уяснить себе в них разбивается о вкоренившуюся беззлливость и отвращение. Лучше отвернуться от порядочного человека, чем коснуться рукой детоубийцы. Но вообще это все не так просто, и элементарная человечность вступает в конфликт с нутряным отталкиванием. Второй вечер, по случаю малолюдства в санатории (больных всего 6 человек¹⁰²) – один из немцев устраивает концерты на пианино в столовой, пара других сидят и слушают, около вертится и напевает латышка Эмма, самая непримиримая из санаторских, девушки танцуют. Вот и сейчас он выколачивает марши – так и хочется добавить: гитлеровские – вперемешку с опереттами. И это меня раздражает и мутит вопреки всяким умствованиям. Когда они попадают на глаза, я мысленно прикидываю, с кем из них я могла бы заговорить, но в каждом нахожу какую-нибудь отталкивающую черточку, а некоторые вообще неприемлемы по скоплению таких черточек, которые создают облик «dienstfertigen Mörders»,¹⁰³ как я их иногда про себя называю. Только один выглядит вполне человеком – рослый

молодой парень, которого мы прозвали «заплатанным немцем» за громадную, на весь зад, заплату из мешковины на брюках. Он трудно вьжется с образцовым типом гитлеровского солдата, но остается на его долю еще одна добродетель, превратившаяся у гитлеровцев в преступление, – *Gehorsamkeit*.¹⁰⁴ Но все же иногда я чувствую потребность в личном соприкосновении проверить свое внутреннее чувство, потому что самое в нем опасное то, что оно воспиталось на литературе, а литература в наше время обязана быть односторонней.

29/IV – Два дня провела в Риге, хотя ехала туда на одни сутки. Набегалась по городу до бесчувствия, потратила массу денег, и самое интересное – посмотрела старую Ригу. Узенькие, извилистые улочки, черепичные крутые крыши, маленькие, глубоко сидящие окна, неожиданные проходы под сводами и арками, старинный дом, украшенный простодушной живописью и громадным ключом на бронзовом кронштейне над дверью. И почти на каждом шагу – груды развалин. По улицам и дворам бродят бесстрашные голуби – птица сытых городов, грузно вспархивают из-под самых ног. А на развалинах копошатся сотни и сотни немцев. Их столько в Риге, что на них натыкаешься ежеминутно: на машинах едут немцы, на улицах немцы, на всех работах немцы. А в час окончания работ их тысячные колонны заполняют город. Меня это зрелище отравляет, как бы его ни оправдывать. Рабы, низшая каста, с которой нельзя общаться, парии, которых надо ненавидеть. Но не могу отвязаться от мысли, что присутствие такого элемента бок о бок с нами нас же позорит и деморализует. Хоть бы знать, что это временное явление, до какого-то срока, – но ведь ему нет никаких сроков в ближайшем будущем. Мне иногда жжет язык вопрос – на что эти люди надеются? Что растет в этой многотысячной массе? Очередная волна ненависти, которая в один проклятый день сконцентрируется и хлынет на наши головы. Эта ненависть, которая рождается войной и отравляет мир в разных формах еще долго после окончания войны. Здесь, в Латвии, эта ненависть тоже плещет где-то подпольно, ее чувствуешь иногда без слов, и вдобавок она сдабривается еще большей долей презрения «европейцев» к некультурным русским. На фоне национальной вражды протекали и многие эпизоды моей двухдневной поездки. Из них самыми характерным и были два: обратный путь мне пришлось совершить в индивидуальном порядке, т<ак> к<ак> машина из Бирини не пришла, и я со старшей сестрой Еленой Ивановной решила ехать на поезде. Билетов мы не достали, но отступить было поздно, и мы поехали зайцами, причем я перед самой высадкой преглупо попалась. Дело кончилось без последствий,

но надо было слышать проводницу-латышку, как она меня честила на весь битком набитый вагон, причем все время повторялось – Krievs¹⁰⁵ – русские, советские. Потом по дороге, проходя небольшим поселком с обязательной пивной, мы попались на глаза пьяному старику, который осыпал нас ругательствами, опять-таки как русских. И много было всяких мелочей – обращение продавцов в магазине, лакея в ресторане – старорежимного в куцей курточке и с салфеткой через локоть. Все это заставляло внутренне подбираться, вооружаться недоверием и мучительно воспринимать все, что может дать почву для враждебных вылазок. Моя заячья поездка, оказывается, была более серьезным фактом, чем просто нарушением железнодорожных правил.

16/VI – Последнее время меня преследуют и раздражают своей назойливостью мысли о смерти. Когда опасность ежедневно висела над головой, я казалась себе бессмертной, не в сознании, конечно, а глубже. А сейчас, когда нет как будто никаких объективных оснований для этого, все мысли, все впечатления неожиданным каким-нибудь вольтом сворачивают в этот тупик. Я совершенно здорова, жизнь еще полна интереса для меня, даже такая, когда все делается не так, как хочешь. И я не теряю надежды перестроить ее хоть сколько-нибудь в соответствии со своими вкусами и потребностями. И тем более странно мне самой, как упорно возникает в самые неожиданные минуты мысль о конце. На днях я шла на работу, было чудесное утро после дождя, все, казалось, было хорошо. Во дворе Райсовета стоит группа лип, и их нежная вымытая зелень и резко черные влажные стволы вдруг бросились мне в глаза с такой невыразимой, пронизывающей отчетливостью, точно я видела их в последний раз в жизни и впервые постигла всю прелесть этих красок, весны, жизни. И опять мелькнуло: так видеть можно только перед смертью. Это тошно, бессмысленно, но идет откуда-то из глубины, над которой сознание не властно. Может быть, это необходимое уже в мои годы воспитание в себе мужества и готовности к неизбежному.

17/VI – Для всех война кончилась больше года назад, а на моей злополучной работе она все еще чувствуется ежедневно, как не проходящий гнет. Каждый день у моего стола проходят десятки женщин, все еще разыскивающих своих близких, сгинувших в адовом котле 41–42 года, или кладут на стол чистенькие квадратные бумажки свежих извещений с однообразным «пропал без вести». Я деловито перелистываю документы, задаю стандартные вопросы, но гнет скопляется, и я, как одержимая, начинаю видеть сквозь бумажную шелуху тысячи и тысячи этих пропавших без вести. Первые обреченные

жертвы, брошенные в неразбериху отступления, добровольцы народного ополчения, не вооруженные еще опытом и техникой, как победители 44 и 45 года, а только заслон из живых человеческих тел, через который, давя и сокрушая все кровавое месиво, громыхало танковое и авиационное наступление всех лучших фашистских сил. Их разрывало на части при бомбежках, они тонули в реках, умирали от истощения под Ленинградом, гибли сотнями тысяч в плену – нет конца разнообразию этих человеческих судеб, некому было регистрировать, составлять синодики безвестных смертей. И вот прошло пять лет, и сотни тысяч жен и матерей все еще ищут, ждут, надеются, а иногда принимают военкоматовское извещение как избавление от мук неизвестности. И сидя на одном из многочисленных узловых пунктов, куда стекаются их чаяния и горести, я не могу быть просто регистратором, чувствую себя до сих пор участницей и свидетелем небывалого кошмара 41–42 годов. Это иногда кажется непосильным, и еще больше укрепляется желание любым способом вырваться, уйти с этой работы. Надежда уже появилась, мне удалось обломать Голубева, нашего нового начальника, заменившего бесславно снятую с работы Маканову. Опять иду *va-banque*, в неизвестность. Думаю, что хуже не будет, но мне хочется, чтобы было хорошо, чтобы напоследок найти такое применение своим силам, где я могла бы их развернуть в полном размахе, в степень своей зрелости. Недавно я, заканчивая год в университете марксизма-ленинизма, сдавала экзамен по политэкономии.¹⁰⁶ Возврат к учебе мне интересен не только сам по себе, но и как проба своих сил, памяти, способностей. И, несмотря на все убожество авральной, в течение двух дней, подготовки по целому курсу, который по-настоящему должен составлять предмет систематической годичной работы, я иногда с наслаждением ощущала, как ясна голова, как четко и легко все усваивается и запоминается – легче, чем в былые годы. Чувствую, что могла бы плодотворно и с увлечением учиться, но об этом и мечтать не приходится, даже читать серьезно невозможно после моей рабочей нагрузки. И еще раз делаешь вывод, что надо биться за свое освобождение, пока не поздно.

15/VII – Вот снова жизнь на повороте.¹⁰⁷

23/III 1947 г.

Да, ничего не изменилось,
Хоть сердце в пепел сожжено.

Нам жизнь возвращена как милость,
Но жить иль гибнуть – все равно.

¹ Ср.: «5 августа советские войска после ожесточенных уличных боев овладели городом и железнодорожным узлом – Орел и городом Белгород; 13 августа – за три дня напряженных боев заняли свыше 100 населенных пунктов, в том числе город Спас-Деменск; 23 августа – сломили сопротивление противника и штурмом овладели городом Харьков» (Сообщения советского информбюро: В 8 т. М., 1944–1945. Т. 5. Июль–декабрь 1943 года. С. 59, 75, 90; далее: Сообщения советского информбюро с указанием тома и страницы).

² *Добржинский Л. Н.* – лектор-международник, майор. В Лектории Горкома ВКП (б) выступал с «Обзорами международных событий».

³ Ср.: «7 августа, суббота... в специальном сообщении о действиях советской авиации Мга названа наряду с крупнейшими железнодорожными узлами: „В ночь на 7 августа наша авиация бомбардировала воинские эшелоны на железнодорожных узлах Харьков, Брянск-1, Брянск-2... Наша авиация подвергла также эффективной бомбардировке станцию Мга, склады и артиллерийские позиции противника, расположенные вблизи этой станции...“» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. СПб., 2011. С. 559).

⁴ В машинописной копии дневника «последний месяц».

⁵ Ср.: «17 августа, вторник. За предыдущие 7 дней вражеская артиллерия выпустила по Ленинграду в общей сложности 256 снарядов. Сегодня враг обрушил на город ураганный огонь. Первый снаряд разорвался на рассвете, в 5 часов 10 минут, последний – в 21 час 50 минут. За все это время был лишь один трехчасовой перерыв, начавшийся в 6 часов 20 минут. Все остальное время – 13 часов 40 минут – Ленинград находился под огнем. Снарядов рвалось столько, что подсчитать их удалось не сразу. Окончательный, уточненный итог: более 2000 снарядов. Пострадали 144 человека» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 564).

⁶ В машинописной копии дневника «собирали лопатами». Ср.: Там же. С. 560.

⁷ В машинописной копии дневника «на 8-й линии». Адрес: В. О., 8-я линия, д. № 31, кв. 12. С начала войны Зеленская жила на ГЭС № 7 и у знакомых.

⁸ Ср.: «31 августа. На днях войска Западного фронта перешли в наступление на Смоленском направлении... за 4 дня боев занято свыше 170 населенных пунктов... На днях войска Центрального фронта также прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника в районе Севска... за 5 дней боев наши войска освободили от немецких захватчиков свыше 200 населенных пунктов» (Сообщение советского информбюро. Т. 5. С. 102).

⁹ *Ширяева Наталья Сергеевна* (1920–1995) – младшая дочь И. Д. Зеленской. См. подробнее в преамбуле.

¹⁰ *Стефан Цвейг* (нем. Stefan Zweig – Штефан Цвейг; 1881–1942) – австр. писатель, критик, автор множества новелл и беллетризованных биографий. Очевидно, имеется в виду книга Цвейга «Ромен Роллан, его жизнь и творчество» (1920); первое издание на русском языке: С. Цвейг. Ромен Роллан, его жизнь и творчество / Пер. с нем. проф. Г. Генкеля. М.; Пг., 1923. 413, [3] с.

¹¹ В 1940 г. в состав промкомбината Свердловского райсовета Отдела местной промышленности Ленгорисполкома входили механический завод (В. О., 13-я линия, д. 70–72) и штамповочный завод (В. О., наб. лейт. Шмидта, д. 21/23). В здании механического завода в начале 1950-х гг. размещался завод спортивных изделий Управле-

ния местной промышленности, а в 2000-х гг. – завод «Музыкальная деталь» и НПО «Муза».

¹² *bête noire* (фр.) – ненавистный объект.

¹³ В машинописной копии дневника «нашему Отделу».

¹⁴ Ср.: «В апреле 1943 г. плановая комиссия Ленгорсовета разработала „План первоочередных восстановительных работ по городскому хозяйству Ленинграда на 1943 г.“ <...> Весной и летом в районах Ленинграда создавались ремонтно-строительные конторы. Дело это было трудное, поскольку большинство строителей еще в начале войны ушло в саперные части, и в городе подходящих кадров не имелось. <...> По всему городу развернулся, как тогда говорили, „заплаточный ремонт“. И, может быть, самым срочным, самым массовым видом „заплаточных“ работ в 1943 г. был ремонт кровли. За годы войны крыши большинства зданий Ленинграда были разрушены во время авианалетов и артобстрелов, повреждены осколками зенитных снарядов или просто нуждались в текущем ремонте, который не производился с июня 1941 г. Весной и осенью кровли начинали протекать, разрушая потолки верхних этажей, создавая угрозу сохранности большей части уцелевшего жилого фонда Ленинграда. На третьем году войны это приняло характер массового бедствия» (Дзенiskeвич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Цамутали А. Н., Шишкин В. А. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. 3-е изд. Л., 1985. С. 259–260).

¹⁵ Ср. с воспоминаниями второго секретаря Смольинского РК ВКП(б) Т. А. Петровой от 28 окт. 1943 г.: «...главными кровельщиками у нас были женщины и ребяташки. На одном из объектов по Херсонской улице, д. 9, у нас работала бригада 14–15-летних кровельщиков. Бригадиром был мальчик 15 лет. В докладной записке, которую он называл „накладной“, мальчик жаловался на одну из своих работниц: „...она плохо работала, потому что она принесла с собой куклу и играла на крыше с куклой. Когда я сделал ей замечание, то она после обеда принесла кроме куклы еще и куклину кровать. Прошу принять меры“. Несмотря на такую неквалифицированную силу, все же около 500 тыс. кв. м кровли были отремонтированы неплохо» (Оборона Ленинграда. С. 428–429).

¹⁶ В машинописной копии дневника «Кроленко (юристом)».

¹⁷ *Кроленко Александр Александрович* (1889–1970). В 1911 г. окончил юридический фак. Петербургского ун-та. В 1915 г. поступил юрисконсультом в техническую организацию Министерства земледелия, а 1917 г. был принят в число присяжных поверенных. С 1918 г. начал работать в сфере книготорговли, в частности, вошел в правление трудовой артели «Наука и школа», председателем которой был акад. и проф. Н. А. Котляревский. С 1921 г. – директор издательства «Academia» в Петрограде (Ленинграде) до перевода издательства в 1928 г. в Москву. Был также ленинградским представителем издательств «Федерация» и «ГИХЛ» (1929–1930 гг.), науч. сотр. Института книговедения (1926–1933 гг.) и преподавателем Гос. техникума печати, где организовал «кабинет-лабораторию книжного дела». Заведовал издательской частью Акад. Театра драмы им. А. С. Пушкина (1933–1938 гг.) и Малого оперного театра (1936–1943 гг.). После войны активно выступал с докладами по редакторско-издательскому делу в институтах, редакциях издательств (см.: *Дашук И. В.* Издательская и научная деятельность А. А. Кроленко по материалам личного фонда в ОР РНБ // Книга. Культура. Читатель: Сб. науч. трудов по материалам 10-х Смирдинских чтений. СПб., 1998. Т. 149. С. 78–95).

¹⁸ *Кузмин Михаил Алексеевич* (1872–1936) – русский поэт Серебряного века, переводчик, прозаик, композитор, сотрудничал в издательстве «Academia», в котором был издан сб. его стихов «Новый Гуль» (Л., 1924).

¹⁹ *dii minores* (лат.) – буквально: младшие боги; люди, занимающие второстепенное общественное положение.

²⁰ О литературной деятельности И. Д. Зеленской подробнее см. в преамбуле.

²¹ Государственная электростанция № 7 (тепловая) им. В. Слущкой. Была пущена в эксплуатацию 1 окт. 1932 г., располагалась по адресу В.О., Кожевенная линия, д. 33. Обеспечивала электрической и тепловой энергией промышленные предприятия, жилые и общественные здания Василеостровского района Ленинграда.

²² Руководящая сотрудница Промкомбината.

²³ *Незлобина Анна Яковлевна* – старший инспектор Отдела гособеспечения семей военнослужащих райисполкома Свердловского района Ленинграда.

²⁴ *Маканова Юлия Тимофеевна* – зав. Отделом гособеспечения семей военнослужащих райисполкома Свердловского района Ленинграда

²⁵ В машинописной копии дневника «но мне (подход Ю<лии> Т<имофеевны>) больше по нутру».

²⁶ Служивица И. Д. Зеленской, работала буфетчицей на 7-й ГЭС.

²⁷ В машинописной копии дневника «в 12-м часу ночи».

²⁸ Сталепрокатный завод, основанный в 1857 г. купцом Ф. А. Шопеном как бронзо- и чугунолитейный завод, к концу XIX в. стал железопрокатным и проволоочно-гвоздильным. С 1919 г. завод – «Красный гвоздильщик», в 1940 г. переименован в Сталепрокатный, который до 1957 г. носил имя В. М. Молотова. Занимал территорию на 25-й линии В. О. от набережной Масляного канала до Косой линии, но все здания числились под одним № 8. Во время войны большая часть оборудования завода была эвакуирована в г. Каменск-Уральский Свердловской обл. На оставшемся в Ленинграде оборудовании выпускали гранаты, крепеж и пружины для pistols-пулеметов Дегтярева и др. На заводе был изготовлен бронекабель, проложенный по дну Ладожского озера. С конца 1950-х гг. завод осваивает производство специальных сплавов, использовавшихся при производстве электротехнического оборудования и аппаратуры, вычислительных машин и др. В постперестроечное время преобразован в ООО «СПЗ ДУГА», ликвидированное в 2009–2011 гг., здания завода снесены.

²⁹ Фильм-комедия. Режиссер Г. Раппапорт, автор сценария Е. Петров. Фильм снят в 1943 г. на Центральной Объединенной киностудии художественных фильмов в Алма-Ате. В главных ролях – М. Жаров и Л. Целиковская. Премьера состоялась 26 авг. 1943 г.

³⁰ О преобладании фильмов американского производства в кинопрокате этого времени см. публикацию Н. А. Прозоровой дневника М. В. Васильевой в наст. изд.

³¹ *Королева* (в замуж. *Бискаева*) *Вера* – соседка И. Д. Зеленской (вероятно, по адресу: В. О., 8-я линия, д. № 3), которая из-за повреждений квартир несколько раз меняла место жительства.

³² Имеется в виду родильный дом, расположенный по адресу В. О., Большой пр., д. 49/51. Построен 1897–1899 гг. по проекту К. К. Шмидта, с 1914 г. – «Александровский приют для женщин». После 1918 г. был переименован в Родильный дом им. К. Г. Видемана, в честь доктора медицины, бывшего директором и старшим ординатором с момента основания роддома, и именовался так вплоть до 1950-х гг. В настоящее время – Родильный дом № 1.

³³ *Ширяева Татьяна Сергеевна* (1916–1993) – старшая дочь И. Д. Зеленской. См. подробнее в преамбуле.

³⁴ Очевидно, И. Д. Зеленская была назначена председателем районной комиссии по проведению предварительной технической инвентаризации жилого фонда. Ср.: «На

1 ноября 1943 г. из 7752 каменных домов около 2000 (не считая полностью уничтоженных) имели повреждения от артобстрелов и бомбежек от 20% и выше» (см.: *Манков Н. А.* В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л., 1961. С. 84).

³⁵ Медаль «За оборону Ленинграда» – государственная награда СССР для награждения защитников города Ленинграда (военных и мирных жителей). Учреждена 22 дек. 1942 г., став одной из первых советских медалей военного времени одновременно с медалями «За оборону» Одессы, Севастополя и Сталинграда.

³⁶ 3 сент. 1943 г. подписано перемирие Союзников с Италией, о чем публично было объявлено 8 сент. 1943 г. Перемирие было заключено между правительством Италии и силами Союзников, оккупировавших к тому моменту юг страны, и повлекшее за собой капитуляцию Италии. В Италии оно называется также «Перемирием Кассибли» (по названию населенного пункта, в котором состоялось подписание) или «Перемирием 8 сентября».

³⁷ В машинописной копии дневника «Большом пр<оспекте>». Очевидно, имеется в виду Большой пр В. О. (с 1922 по 1944 г. носил название пр. Пролетарской победы).

³⁸ Балтийский завод основан в 1856 г., располагался по адресу В. О., Кожевенная линия, д. 17–18. Специализировался на постройке металлических кораблей для военного флота России, а также паровых машин и других судовых механизмов. В годы Великой Отечественной войны Балтийский завод работал на нужды фронта. Специалисты предприятия наладили массовый выпуск боеприпасов, ремонтировали корабли, строили минные тральщики, организовали производство барж и тендеров для ладожской Дороги жизни. В настоящее время ОАО «Балтийский завод» – судостроительное предприятие, являющееся частью судостроительной корпорации.

³⁹ Т. е. фасада роддома им. К. Г. Видемана.

⁴⁰ Очевидно, по долгу службы И. Д. Зеленская была знакома с закрытыми постановлениями. Например, одно из таких постановлений – «ВКП(б) к заместителю председателя ГКО СССР В. М. Молотову и председателю гос. Плановой комиссии при СНК СССР о включении Ленинградской промышленности в народнохозяйственный план страны. Не ранее 20 и не позже 23 июля 1943 г. Совершенно секретно» – было издано на основе обращения ленинградского руководства к В. М. Молотову и Н. А. Вознесенскому. «Обращение было продиктовано тем, что в 1943 г. эвакуация ленинградской промышленности стала приобретать характер „раскулачивания“ предприятий. В четвертом квартале сначала оборонные предприятия, а затем и вся промышленность Ленинграда были включены в народнохозяйственный план страны» (см.: Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995. С. 174, 584–585).

⁴¹ В машинописной копии дневника «„добрые“ соседи».

⁴² По адресу ул. Смольного, д. 4, с начала XIX в. находились градские богадельни, реорганизованные в декабре 1918 г. в Смольную больницу для хроников, в дальнейшем – инвалидный дом им. К. Маркса (для хроников) ЛЕНГОРСО. В настоящее время Психоневрологический интернат № 1, переведенный в 2008 г. в г. Зеленогорск по адресу ул. Мира, д. 6.

⁴³ Фабрика «Пластмасс» находилась в ведении Промкомбината Свердловского райсовета и располагалась по адресу В. О., Косая линия, д. 15 -а.

⁴⁴ *Потков П. С.* – председатель исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся.

⁴⁵ В машинописной копии дневника «Косой линии».

⁴⁶ В машинописной копии дневника «Дома хроников».

⁴⁷ В машинописной копии дневника «Отдел (гособеспечения)».

⁴⁸ Старшая дочь Зеленской до войны окончила Ленинградский электротехнический институт (ныне СПбГЭТУ «ЛЭТИ») и работала инженером-радиотехником на закрытом заводе № 79 в Ленинграде вместе со своим мужем. Завод был эвакуирован в Куйбышев (ныне Самара), где оба продолжали работать до конца войны.

⁴⁹ С 1927 г. районный центр Ленинградской обл. в 314 км от Великого Новгорода, образованный из возникшей в 1919 г. станции на железной дороге Москва–Петроград, в 1965 г. стал городом районного подчинения. После окончания в 1943 г. эвакуированного в Москву ЛИИЖТа Наташа работала инженером в ремонтно-восстановительных поездах № 409–412 Наркомата путей сообщения.

⁵⁰ *Терентьев Николай Семенович* – муж старшей дочери И. Д. Зеленской – Татьяны.

⁵¹ В машинописной копии дневника «температура».

⁵² В машинописной копии дневника «с вечными заячьими ушами на макушке (от зубов)».

⁵³ Ср.: «5 декабря, воскресенье. ...На улицах Ленинграда рвались снаряды. Рвались ночью, утром и днем. ...Всего в этот день в городе разорвалось 177 снарядов. Ранено и убито 84 человека. ...6 декабря, понедельник. ...Всего в Ленинграде сегодня разорвалось 138 снарядов» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 621–622).

⁵⁴ Фильм-мелодрама по мотивам произведений К. Симонова. Режиссер А. Столпер совм. с Б. Ивановым, автор сценария К. Симонов. Фильм снят в 1943 г. на Центральной Объединенной киностудии художественных фильмов в Алма-Ате. В главных ролях – Б. Блинов и В. Серова. Премьера состоялась 22 нояб. 1943 г.

⁵⁵ О первом ребенке Веры (см. примеч. 31) до этого момента в дневнике упоминаний нет.

⁵⁶ В машинописной копии дневника «2-го января».

⁵⁷ Личность не установлена. Ср., очевидно, это же происшествие описано у А. В. Бурова: «2 января, воскресенье. Сегодняшний обстрел во много раз сильнее вчерашнего. Гитлеровцы выпустили по городу более 100 снарядов. Двумя снарядами, разорвавшимися в доме № 29 по Невскому проспекту, разрушены две квартиры. Убито пять человек. Пятерых завалило обломками» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 639–640).

⁵⁸ В машинописной копии дневника это предложение написано прописными буквами.

⁵⁹ Ср.: «Войска Ленинградского фронта, продолжая успешное наступление, 24 января овладели городом Пушкин (Царское село), городом Павловск (Служк), а также с боями заняли более 40 других населенных пунктов...» (Сообщение советского информбюро. Т. 5. С. 38).

⁶⁰ Ср.: «24 января, понедельник. ...Фронт все больше отдалается от Ленинграда. Уже не доносятся до города раскаты артиллерийской канонады. Надписи на стенах домов, предупреждающие прохожих о том, что „при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна“, стали историей...» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 659).

⁶¹ См. подробнее об этом в преамбуле.

⁶² Об истории обнаружения дневника см. в преамбуле.

⁶³ В машинописной копии дневника «Александр Иванович Чистяков». *Чистяков Александр Иванович* – главный энергетик 7-й ГЭС и секретарь ее партийной организации. И. Д. Зеленская многократно упоминает его в «Блокадном дневнике», а в записи от 18/VIII <1941 г.> называет одним из «самых милых» из своих коллег («Я не сдамся до последнего...»). С. 17, 206).

⁶⁴ В машинописной копии дневника «до самой смерти».

⁶⁵ См. примеч. 5 в преамбуле.

⁶⁶ В машинописной копии дневника «печатные экземпляры». Имеются в виду три машинописные копии «Блокадного дневника» с записями с 7 июля 1941 г. по 6 мая 1943 г. См. преамбулу к публикации.

⁶⁷ В машинописной копии дневника запись под этим числом отсутствует.

⁶⁸ Скорее всего, речь идет о близком знакомом Зеленской по жизни в Нижнем Новгороде П. А. Званцева.

⁶⁹ Первое собрание сочинений Ромена Роллана на русском языке было подготовлено издательствами «Время» и «Художественная литература»: *Роллан Ромен. Собр. соч.* / С предисл. автора, М. Горького, А. П. Луначарского и С. Цвейга; Под общ. ред. проф. П. С. Когана и акад. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1930–1936. Т. 1–20.

⁷⁰ *Ширяев Юрий (Георгий) Михайлович* – внук И. Д. Зеленской, сын младшей дочери Натальи, родился в Ленинграде 21 сент. 1944 г.

⁷¹ В тексте так.

⁷² С этой даты начинаются записи И. Д. Зеленской в записной книжке № 8. В машинописной копии дневника запись под этим числом отсутствует.

⁷³ Дочь П. А. Званцева. См. примеч. 68.

⁷⁴ *Лидия Николаевна Сливинская* – мать Бориса, умершего мужа младшей дочери И. Д. Зеленской. *Наташа* – младшая дочь Л. Н. Сливинской.

⁷⁵ В машинописной копии дневника «неделей позже».

⁷⁶ *Лидия Николаевна Бильченко* – сестра матери И. Д. Зеленской. Умерла 27 авг. 1945 г., похоронена на Смоленском кладбище.

⁷⁷ В машинописной копии дневника «8-ю линию».

⁷⁸ Здесь речь идет о младшей дочери И. Д. Зеленской.

⁷⁹ *Терентьева Марина Николаевна* – внучка И. Д. Зеленской, дочь старшей дочери Татьяны. Подробнее см. в преамбуле.

⁸⁰ Далее в записной книжке вырван лист, но запись, находящаяся на нем, воспроизведена (полностью или частично) в машинописной копии дневника.

⁸¹ Очевидно, речь идет о начале «холодной войны» – глобальной геополитической, военной, экономической и идеологической конфронтации между СССР и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками, с другой стороны, длившейся с 1946 по 1991 г. (45 лет), формальным началом которой считается дата 5 марта 1946 г., когда Уинстон Черчилль (на тот момент уже не занимавший пост премьер-министра Великобритании) произнес свою знаменитую речь в Фултоне (США, штат Миссури), в которой выдвинул идею создания военного союза англосаксонских стран для борьбы с мировым коммунизмом. Неделей позже И. В. Сталин в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что в своей речи тот призвал Запад к войне с СССР (Правда. 1946. 14 марта. № 62. С. 1).

⁸² Историческое и курортное место в окрестностях Риги. В XIII в. здесь жили ливы и место называлось Колдесселле – песчаная дюнная гора, которое немцы-переселенцы переименовали в Колцене. Во время Ливонской войны Йохан Биринг со своим войском освободил местности, занятые войсками Ивана IV (Грозного), получив за это в качестве награды от польско-литовского короля Колценское имение. Биринг был легендой латышских крестьян, поэтому в народе Колцене называли Бириньским именем вплоть до начала XX в.

⁸³ Санаторий размещался в здании замка Бирини – роскошном историческом строении в стиле неоготики, которое было построено в 1860 г. семьей фон Пистолькорсов, представителей родовитого шведского дворянского рода, по проекту архитектора В. Ф. Гессе. У здания был богатый декор, созданный немецкими скульпторами К. Д. Раухом и И. Шредером, но скульптуры и рельефы, некоторые элементы которых

скопированы с интерьеров берлинского королевского дворца, почти полностью были утрачены во время Первой мировой войны. В 1925 г. Больничная касса книгопромышленников начала перестраивать замок Бирини и открыла санаторий, в котором лечили астму и сердечные заболевания. После Второй мировой войны в замке Бирини вновь был обустроен санаторий, в который приезжали отдыхающие со всего Советского Союза.

⁸⁴ В машинописной копии дневника «на редкость удачно».

⁸⁵ *sarkane Armija; varoni* (латыш.) – красная армия; герой.

⁸⁶ В машинописной копии дневника «потому что».

⁸⁷ Семейство фон Пистолькорсов владело Кольценом вплоть до аграрной реформы 1920 г.

⁸⁸ Очевидно, речь идет о *Карнович (в замуж. Фон Пистолькорс) Ольге Валериановне* (1865–1929), которая после развода с Эриком-Гергардтом Августом фон Пистолькорсом тайно вступила в брак в Ливорно (Тоскана, Италия) с вел. кн. Павлом Александровичем. За этот проступок Николай II лишил вел. кн. всех привилегий, но позже простил его. Ольге Валериановне в 1904 г. был дарован титул графини фон Гогенфельзен, а в 1913 г. – графини Палей. По свидетельству современников, она была замечательно красива. Источник:

<http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:745604> (дата обращения: 30.01.2014).

⁸⁹ В машинописной копии дневника «в этом семействе».

⁹⁰ По некоторым данным, жена одного из владельцев замка Августа фон Пистолькорса – Эмилия Гардер приходилась племянницей Санкт-Петербургскому банкиру, основателю Центрального училища технического рисования барону *фон Штиглицу Александру Людвиговичу* (1814–1884) (<http://www.gazeta.lv/story/22074.html> дата обращения: 30.01.2014). Однако известно, что А. Л. Штиглиц был единственным сыном и наследником придворного банкира Л. И. фон Штиглица. Александр Людвигович был женат на Каролине Карловне (урожд. Миллер), и их единственный сын Людвиг (1842–1843) умер младенцем. В 1844 г. бездетная чета Штиглицев усыновила подброшенную к ним в дом внебрачную дочь вел. кн. Михаила Павловича, Надежду Михайловну Ионову (Юневу; 1843–1908). В 1861 г. она вышла замуж за А. А. Половцова. Большую часть капиталов А. Л. фон Штиглиц завещал приемной дочери и ее семье. О перипетиях жизни семьи фон Пистолькорсов см. в указанной ссылке.

⁹¹ *Рерих (Рёрих) Николай Константинович* (1874–1947) – русский художник, сценограф, философ-мистик, писатель, путешественник, археолог, общественный деятель. Скорее всего, И. Д. Зеленская обращалась к редкому изданию, в которое вошли статьи В. Н. Иванова «Рерих: художник-мыслитель» и Э. Голлербаха «Искусство Рериха» с репродукциями 123 картин: Рерих. Рига, 1939. Ч. 1.

⁹² Первый музей Рериха был основан в 1923 г. и официально открыт для публики в 1924 г. в Нью-Йорке (Риверсайд-драйв, д. 310) с помощью тесного круга соратников Рериха при финансовой поддержке бизнесмена Луиса Хорша. С 1929 г. музей и все рериховские учреждения размещались в специально построенном здании на месте прежнего музея – 29-этажном небоскребе *The Master Building* (Дом Мастера) – самом крупном и самом известном проекте Н. К. и Е. И. Рерихов и их последователей в США. Однако конфликт между Рерихами и Хоршем, начавшийся в 1935 г., привел к разорению всех американских организаций Рериха и, в том числе, к закрытию музея (см.: *Ольховая О.* Музей Николая Рериха в Нью-Йорке // *Восход.* 2008. № 4).

⁹³ В 1923–1928 гг. Н. К. Рерих путешествовал по Индии и Центральной Азии. В Индии он изучал первоисточники классической восточной философии и современ-

ные философские течения. По окончании Центрально-Азиатской экспедиции в 1928 г. в Нью-Йорке был основан Институт Гималайских исследований, а затем в Западных Гималаях, в долине Кулу, Н. К. Рерих основывает Институт «Урусвати», что в переводе с санскрита означает «Свет Утренней звезды». В Институте работали медицинская, зоологическая, ботаническая, биохимическая и многие другие лаборатории. Проводилась работа в области лингвистики и филологии Востока. С 1931 г. при Институте издавался ежегодник, в котором публиковались результаты научной деятельности его сотрудников. С началом Первой мировой войны Институт Гималайских исследований лишился возможностей к деятельности и был законсервирован (см.: *Росов В. А.* Биохимическая лаборатория в Гималаях // *Ариаварта.* 1998. № 2. С. 194–195). На протяжении многих лет Рерих был директором школы Общества поощрения художеств в России.

⁹⁴ *Лао-Цзы (Лао Тце)* (кон. VI в.–нач. V в. до н. э.) – китайский философ, автор древнекитайского классического даосского трактата «Лао-цзы» (др. название «Дао дэ цзин»). Согласно традиции, Лао-Цзы в VI–V вв. до н. э. был архивариусом при чжоуском дворе; большинство современных ученых считает его фигурой легендарной, трактат же написан в конце IV–начале III в. до н. э. Написанный в афористической форме крайне лаконичным языком, трактат дает простор для разнообразных интерпретаций. Он был каноническим сочинением религиозного даосизма и многократно переводился на европейские языки. *Сакья-Муни – Шакья-муни* (по некоторым оценкам, время его жизни – 624–544 гг. до н. э.) – мудрец из племени шакьев – наиболее распространенное имя, прозвище легендарного основоположника буддизма, применяемое к тому периоду его жизни, когда он уже получил «просветление», т. е. стал Буддой (букв. Мудрец из рода Шакья).

⁹⁵ В машинописной копии дневника «вещи второго периода». Имеется в виду заграничный период творчества Н. К. Рериха. В 1916 г. из-за тяжелой болезни легких Н. К. Рерих по настоянию врачей вместе с семьей переезжает в Финляндию (Сердоболь), на побережье Ладожского озера. После революционных событий 1917 г. Финляндия закрыла границы с Россией, и Н. К. Рерих с семьей оказался отрезанным от Родины. С 1919 г. его приглашают с выставками в страны Скандинавии, Лондон, США, в 1924 г. он уезжает в Индию. В отличие от первого, так называемого русского периода, «в котором была и декоративность, и живописность, и историческая правда», во второй период в творчестве Н. К. Рериха «начали преобладать мотивы восточного эпоса, пейзажи Гималаев, сюжеты, связанные с легендой о заповедной стране Шамбала» (*Миллер А.* Нежизненные суждения или искусствоведческая отава. Сайт Эстонского Общества Рериха. Опубликовано 11.02.2012. Автор: agnivesti.ru)

⁹⁶ Картина Н. К. Рериха «Вайделоты» была написана в 1914 г. и находилась в частной коллекции. «Вайделоты» у литовцев и пруссов – жрецы-прорицатели, стерегшие священный огонь и при необходимости приносившие жертвы Перкунасу (Перуну). В своем очерке «Моя поездка по Литве» (1937 г.) Рерих вспоминает: «Была и картина „Вайделоты“. На поляне среди священных дубов творились древние обряды. Где она теперь – не знаю. Также была картина „Перкунас“. Еще недавно через Женеву пришла весть, что картина существует у какой-то собирательницы. Итак, сколько вестей о славном литовском эпосе разлетелось по миру» (см. ред. коммент. к кн.: Письма Елены Рерих. 1929–1938. Минск, 1992. Т. 2. С. 263).

⁹⁷ И. Д. Зеленская в молодости брала уроки рисования. В семейном архиве хранятся несколько ее живописных работ.

⁹⁸ Государственный академический русский народный хор им. М. Е. Пятницкого – российский музыкальный коллектив, исполняющий народную музыку. Родона-

чальником народного хорового пения на профессиональной сцене и организатором первого в России народного хора стал *Митрофан Ефимович Пятницкий* (1864–1927) – знаток певческого искусства, знаменитый «собиратель» русских песен. Первый концерт коллектива состоялся в 1911 г. в Москве на сцене Благородного собрания. Перед публикой предстали поющие крестьяне – прямо от земли, от сохи, с завалинки. Первоначальный состав насчитывал 18 человек из трех срединных российских губерний. И до начала 1920-х гг. певцов приглашали на концерты в Москву, а затем они возвращались в свои деревни. Лишь через 10 лет М. Пятницкий перевез участников хора на жительство в столицу, и они стали выступать в постоянном составе.

⁹⁹ *Карлис Аугустс Вилхелмс Ульманис* (латыш. *Kārlis Augusts Vilhelms Ulmanis*, в Российской империи Карл Индрикович Ульманис) (1877–1942) – латвийский политический и государственный деятель, один из руководителей латвийской буржуазной контрреволюции. Лидер буржуазной партии «Крестьянский союз». С 1918 по 1934 г. неоднократно возглавлял правительство.

¹⁰⁰ В 1934 г. К. Ульманис произвел государственный переворот и установил личную диктатуру. В 1936–1940 гг. премьер и президент Латвии. После ввода советских войск в Латвию, 21 июля 1940 г., ушел в отставку, обратился к советскому правительству с просьбой о пенсии и выезде в Швейцарию. 22 июля 1940 г. депортирован в административном порядке через Москву в Ворошиловск (Ставрополь). 4 июля 1941 г. был арестован и 1 авг. 1942 г. переправлен в г. Красноводск (ныне Туркменбаши) в Туркмении. Умер по дороге к месту заключения. Похоронен на местном кладбище, но могила не найдена. В 1991 г. в числе других было пересмотрено и дело Ульманиса, но и в этот период попытки найти могилу Ульманиса и вернуть тело президента на родину оказались безуспешными.

¹⁰¹ *jaunsaimniecības* (латыш.) – новые фермы.

¹⁰² В машинописной копии дневника «осталось всего 6 человек».

¹⁰³ В машинописной копии дневника добавлен перевод с немецкого – «(услужливые убийцы)».

¹⁰⁴ В машинописной копии дневника добавлен перевод с немецкого – «(слушание)».

¹⁰⁵ *krievs* (латыш.) – русский. От «кривичи» – названия одной из крупных групп средневекового населения Восточной Европы. Впервые упоминается русской летописью среди других славянских и неславянских племен. Происхождение названия обычно связывается с именем литовского жреца (родоначальника) Криве. Отсюда же и латыш. *Krievija* — «Россия».

¹⁰⁶ Университет марксизма-ленинизма (УМЛ) – форма высшего звена системы просвещения КПСС. На обучение в УМЛ направлялись не только члены КПСС, но и беспартийные граждане СССР. Направления давались партийными комитетами с места работы слушателей. Первые УМЛ создавались в 1938 г. как форма идейно-теоретической подготовки членов коммунистической партии, их марксистско-ленинского воспитания. В 1940 г. было около 40 УМЛ, в которых обучалось 12 тыс. слушателей. В 1956 г. работало 288 университетов с числом слушателей 149 тыс. Слушатели УМЛ обучались бесплатно и без отрыва от производства. Комплектование УМЛ производилось комитетами КПСС, при которых созданы университеты. В университет принимались в основном люди с высшим образованием. Прием был без вступительных экзаменов. Учебный год начинался 1 окт. и заканчивается в июне. Срок обучения – 2–4 года. В УМЛ было три факультета: общий, партийно-хозяйственного актива и пропагандистский. Слушатели изучали историю КПСС, политэкономия, диалектический и исторический материализм, научный коммунизм, вопросы

экономической политики КПСС на современном этапе, вопросы управления производством, партийного и советского строительства, литературы и искусства, основы советского законодательства, общественную психологию, внешнюю политику СССР и современные международные отношения, журналистику, философию и т. д. По окончании УМЛ сдавались выпускные экзамены, зачеты и дипломные работы. Выпускники УМЛ получали высшее политическое образование. Им выдавались дипломы об окончании университета и нагрудные значки. УМЛ были закрыты к 1992 г. в связи с окончанием строительства в стране развитого социализма и началом строительства капитализма.

¹⁰⁷ Эта запись отсутствует в машинописной копии дневника.